

СТАТЬИ

ЛИКВИДАЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОЙ ПОМЕЩИЧЬЕЙ ДЕРЕВНЕ (1862—1882 гг.)

Академик Н. М. Дружинин

За последние пятнадцать лет внимание советских историков было привлечено к вопросу о фактической реализации реформы 1861 года. При этом в появившихся исследованиях был выдвинут на первый план вопрос о содержании уставных грамот, в частности, о масштабах земельных отрезков от крестьянских наделов, а также о соотношении размеров наделов и повинностей. Конечно, интерес к этой теме вполне понятен: земельные отрезки были главным источником феодальных пережитков бывшей крепостной деревни, и уточнение количественных данных о крестьянских потерях, несомненно, имеет научное значение. Однако не нужно забывать, что влияние уставных грамот, нормировавших надель и повинности, играло ограниченную роль и в отношении времени их действия и в отношении их внутреннего содержания. Уставные грамоты, как официальные правительственные акты, сохраняли свою силу только до момента выкупа полевых наделов, на протяжении периода так называемых временно-обязанных отношений. Между тем уже в первое пятилетие после реформы выкупная операция охватила больше половины бывших крепостных крестьян «большепоместных имений»¹, а эти крестьяне составляли подавляющую часть земледельческой массы. В течение первого двадцатилетия, вплоть до обязательного выкупа, крестьянами-собственниками стало больше 80% бывшего крепостного населения, и уставные грамоты уступили свое место новым юридическим документам — так называемым «данным», основанным на выкупных актах. С другой стороны, в ходе выкупной операции, а иногда раньше заключения выкупных актов произошли новые изменения в размерах наделов и повинностей: таковы были результаты разверстания угодий между помещиками и крестьянами, размежевания чересполосных дач, добровольных соглашений об уменьшении наделов и принятии на себя крестьянами дополнительных условий. Именно поэтому при решении проблемы ликвидации феодальной системы основное значение приобретают не уставные грамоты, а выкупные акты, хотя отрезки, произведенные в первые два года после реформы, и оказали сильное влияние на дальнейшее крестьянское землепользование. Изучая хозяйственное положение пореформенной деревни, особенно важно учесть размеры и влияние на экономику деревни установленных выкупных платежей. Прежде всего необходимо проследить воздействие выкупной

¹ На официальном языке «большепоместными именьями» назывались такие, в которых числилось не менее 100 душ, в них проживало более 80% всего крепостного населения.

операции на территории современной Российской Федерации, которая охватывала наиболее крупные и важные экономические районы страны.

Как известно, Положения 19 февраля 1861 г. были компромиссным сочетанием двух проектов реформы, отражавших основные борющиеся тенденции в недрах землевладельческого класса. Первый проект, который был составлен товарищем министра внутренних дел А. И. Левшиным и нашел свое воплощение в рескрипте 20 ноября 1857 г., провозглашал личное освобождение крепостных, но сохранял старые, феодальные отношения, правда, нормированные утвержденными актами и прикреплявшие крестьянина к собственной усадьбе, выкупленной у помещика. Этому умеренному проекту противостоял другой, выдвинутый либеральной группой помещиков (А. М. Унковский, К. Д. Кавелин и др.), экономически заинтересованных в развитии буржуазного сельского хозяйства. В отличие от рескрипта 1857 г. второй проект требовал выкупа крестьянином не только усадьбы, но и полевого надела, то есть образования самостоятельной крестьянской собственности и, следовательно, перехода помещиков к свободному найму рабочей силы. В условиях нараставшей революционной ситуации правительство Александра II оказалось вынужденным пойти на уступки либеральному течению. Окончательный проект Редакционных комиссий исходил из идеи выкупа земельных наделов, обставив его условиями, побуждавшими помещиков пойти на добровольные соглашения с крестьянами, а за отсутствием таких соглашений требовать выкупа прежних наделов без согласия крестьян. Наиболее передовые землевладельцы настаивали на *обязательном* выкупе, проведенном при содействии правительства; однако придворная камарилья, выражавшая интересы крупных земельных собственников, заставила Александра II дать инструкцию Редакционным комиссиям о выкупе добровольном, только с согласия помещика. В последний момент, при обсуждении проекта в Государственном совете, крупные собственники внесли поправку о допустимости добровольного соглашения с крестьянами путем передачи им дарового «четвертного» (крайне урезанного) надела без всякого выкупа. Таким образом, при реализации реформы 1861 г. открывалась возможность удовлетворить представителей всех помещичьих течений. От владельцев имений зависело избрать один из четырех путей задуманного преобразования: или продолжать взыскивать барщину и оброк, то есть сохранять феодальную эксплуатацию крестьян, нормированную законом, но не ограниченную никаким сроком; или ликвидировать феодальные отношения путем добровольного соглашения с крестьянами о выкупе наделов; или обязать крестьян при содействии правительства выкупить свои наделы без их согласия; или договориться с бывшими крепостными о предоставлении им «сиротского», «нищенского» надела в полную собственность даром, без выкупа. В соответствии с требованиями землевладельцев закон положил в основу выкупной суммы завышенный денежный оброк за сокращенный, явно недостаточный надел. Формально было объявлено, что выкупается не личность крестьянина, а земля; фактически—это было ясно самим членам Редакционных комиссий—выкупалась не земля, а оброчная повинность феодального земледельца. Правительство немедленно расплачивалось с помещиками, капитализируя оброк из высокого процента (5%+1% на погашение ссуды и расходы по выкупу), а крестьяне, формально объявляемые земельными собственниками, должны были в течение 49 лет в форме ежегодных выкупных платежей погашать капитальную ссуду и нараставшие на нее проценты. Тем самым возмещалась потеря помещичьих доходов от крепостного труда, и землевладельцы получали на руки в виде гарантированных ценных бумаг выкупную сумму за вычетом банковского долга, лежавшего на имении. Если выкуп совершался по односто-

ронному требованию помещика, выдавалась не вся выкупная сумма, а от 75 до 80% (в зависимости от величины надела). Если выкуп происходил с согласия крестьян, они были обязаны внести помещику дополнительный платеж. Обязательным условием выкупа для барщинных имений был предварительный перевод крестьян на оброк. Для вящего успокоения дворянства закон устанавливал через 20 лет денежную переобработку — в соответствии с ожидаемым ростом продажных и арендных цен на землю.

При опубликовании реформы Александр II и его правительство предполагали, что переход от крепостного к вольнонаемному труду произойдет безболезненно, путем добровольных соглашений, что личное освобождение крестьян поднимет производительность их труда и обеспечит им легкое внесение выкупных платежей, а помещики, получившие от правительства выкупную ссуду, сумеют быстро наладить свое хозяйство на буржуазных основах. Однако возможность того или иного исхода выкупной операции зависела от соотношения общественных сил и от экономических условий хозяйственно отсталой страны. Действительность не оправдала ожиданий ни правительства, ни многочисленных сторонников феодального, «плантаторского» течения, ни представителей небольшой, но активной группы либеральных помещиков; она не могла ответить и чаяниям крестьянства и выразителям его интересов из революционно-демократического лагеря. Перед исследователем возникают вопросы, как же протекала операция необязательного выкупа в течение двадцатилетия 1862—1882 гг., какое направление она получила в различных районах, под влиянием каких исторических факторов привела в 1883 г. к обязательному выкупу и какое воздействие оказала на экономическое состояние русской деревни?

Выкупная операция с самого начала ее проведения стала предметом пристального внимания историков-экономистов. В историографии этого важного вопроса можно уловить четыре основных этапа. В период реализации реформы, в 60—70-х годах, передовая русская публицистика немало писала о полном несоответствии между сокращенными крестьянскими наделами и преувеличенными выкупными платежами. К такому же заключению приводили Труды Податной комиссии, в свое время изученные и продуманные К. Марксом². Большое впечатление на современников произвело исследование профессора Ю. Э. Янсона³, который подверг систематическому изучению разнообразные источники: помимо Трудов Податной комиссии, он привлек данные Комиссии Валуева, специально учрежденной в 1873 г. для исследования положения сельского хозяйства, итоги земских обследований, отчеты министерства государственных имуществ и т. д. Последовательно обобрав разные районы, Янсон пришел к выводу, что ликвидация крепостного права, в частности выкупная операция, вызвала повсеместное обеднение русской деревни. Эта книга вскоре вызвала полемический отклик известного славянофила Д. Ф. Самарина — одного из сторонников Положений 19 февраля⁴. Исходя из правильной мысли, что крестьяне выкупали не землю, а крепостные повинности, Самарин, оставаясь во власти своих классовых убеждений, не сумел опровергнуть тезиса Янсона о том, что выкупная операция в условиях непромысловых губерний приводила к обеднению крестьянства. Самарин противопоставлял обстоятельной работе Янсона другое статистическое исследование — И. И. Вильсона, специ-

² «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов» (особенно т. III, ч. II и т. XXII). СПб. 1869—1872.

³ Ю. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1877.

⁴ Д. Ф. Самарин. Теория о недостаточности крестьянских наделов, по учению профессора Ю. Э. Янсона. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. М. 1903, стр. 29—95.

ально посвященное выкупным платежам бывших помещичьих и удельных крестьян⁵. Действительно, книга И. И. Вильсона производит впечатление тщательного статистического труда, но при всем искусстве научного метода автора она очень скоро оказалась устарелой: в основание своих выводов Вильсон положил официальные данные, которые ежегодно публиковались министерством финансов и выверялись Государственным контролем, но впоследствии, после внимательной проверки, не были признаны достоверными. Признавая, что в некоторых районах существует большая недоимочность крестьян, Вильсон приходил к оптимистическому выводу о ходе выкупной операции как с финансовой, так и с социально-экономической точки зрения. Прошло всего два года после появления книги Вильсона, как обнаружилась повсеместная непосильность выкупных платежей, и правительство было вынуждено произвести их массовое снижение так же, как сложение со счетов всех накопившихся недоимок. Одновременно по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге была произведена проверка запутанных счетов Главного выкупного учреждения, были обнаружены многочисленные ошибки, проявления небрежности, переборы, а иногда недоборы, и в результате многолетнего труда восстановлена действительная картина произведенного выкупа⁶.

К началу 90-х годов окончательно выяснилась полная невозможность для бывших помещичьих крестьян вносить огромные суммы выкупных платежей и встал вопрос о необходимости их полной отмены. Появились работы, выражавшие точки зрения различных общественных классов на выкупную операцию. Брошюра Н. С. Петлина⁷, отражавшая интересы крупных земельных собственников, давала отрицательную оценку не только условиям проведения, но и самой идее выкупа; по мнению автора, это была ошибка, принесшая крупные убытки и дворянству, и крестьянам, и государственной казне. Единственным выходом из положения Петлин считал расселение нуждающихся крестьян на свободные казенные земли в качестве долгосрочных или вечных арендаторов. Точку зрения либеральных помещиков отразили труды профессора П. П. Мигулина⁸, который в результате экономического анализа установил преувеличенные расчеты платежей, взыскание излишних сумм с крестьян и несоответствие этого фактического налога платежеспособности населения. Так же, как Петлин, Мигулин настаивал на необходимости отмены выкупных платежей. Демократическую позицию в выдвинутом вопросе занял А. Л. Лосицкий⁹, который в обстановке начавшегося подъема накануне революции 1905 г. и в ходе ее развития дал резко отрицательную оценку всей выкупной операции. Путем подробных статистических расчетов он показал крайнее превышение в оценке земельных наделов, крупные переплаты крестьян при погашении помещичьих долгов, переложенных на выкупаемые наделы, длительное непогашение процентных бумаг, добавочные подачки правительства помещикам. Под давлением революционного движения правительство Николая II было вынуждено в 1906 г. отменить выкупные платежи, хотя и продолжало взыскивать с крестьян накопившиеся недоимки.

Таким образом, открылась возможность перейти к новому этапу в исследовании выкупной операции — подвести итог реализации реформы

⁵ И. Вильсон. Выкупные за землю платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих. 1862—1876. СПб. 1878, стр. 1—54. Приложение, стр. 62—109.

⁶ «Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 года». СПб. 1893, стр. 3—4 (далее — «Отчет ГБ»).

⁷ Н. С. Петлин. Выкуп у помещиков крестьянских наделов и его последствия. СПб. 1894.

⁸ П. П. Мигулин. Русский государственный кредит (1769—1899). Т. I. Харьков. 1899, стр. 203—243; его же. Выкупные платежи. Харьков. 1904.

⁹ А. Л. Лосицкий. Выкупная операция. СПб. 1906.

1861 года. Эта задача была выполнена киевским профессором П. Кованько¹⁰. В подробном финансово-экономическом исследовании он проследил всю историю необязательного, а затем и обязательного выкупа, начиная с проектов кануна реформы и кончая отменой выкупных платежей. Однако при всем богатстве фактического материала и при всем многообразии статистических подсчетов эта крупная монография имела односторонний характер: она переносила центр тяжести на финансовую сторону операции и давала ей оптимистическую оценку, исходя из интересов государственной казны. Хотя Кованько разоблачал классовую подоснову помещичьих проектов и денежных претензий, но он уделил очень мало внимания экономике пореформенной деревни. В противоположность работам Янсона и Лосицкого его исследование оставило открытым вопрос о воздействии выкупной политики правительства на хозяйственную жизнь крестьянства. В другой крупной монографии, принадлежавшей перу П. И. Лященко, выкупная операция была поставлена в связь с землеустроительной политикой 1860—1900-х гг.; используя архивные материалы, автор сосредоточил главное внимание на подготовке и содержании законов о выкупе¹¹.

Последним этапом в исследовании данной проблемы явились усилия советских историков дать порайонное освещение выкупной операции. В 1958 г. вышла в свет работа П. А. Зайончковского о проведении в жизнь реформы 1861 года. Специальная глава этого исследования посвящена выкупной операции, с интересным выборочным материалом по отдельным губерниям, извлеченным из фонда Главного выкупного учреждения¹². Примером тщательного местного исследования является статья Д. И. Будаева о проведении выкупной операции в Смоленской губернии¹³; автор внимательно проанализировал особенности выкупа в оброчных и барщинных имениях мелкопоместных, средних и крупных собственников. Наконец, в ряде защищенных, но неопубликованных диссертаций наряду с подготовкой реформы и анализом уставных грамот были освещены условия выкупа, произведенного в различных губерниях и уездах. Таким образом, по инициативе советских исследователей было начато локальное изучение выкупной операции, в котором главное место было отведено хозяйственному состоянию деревни и влиянию выкупных платежей на положение крестьянства.

Чтобы понять масштабы и направление необязательного выкупа в русской деревне (до 1883 г.), надо вспомнить ту социальную обстановку, в которой развивалась выкупная операция. Опубликованные источники и литература дают достаточно ясное представление о непосредственной реакции крестьянства на реформу 1861 года. Несмотря на провозглашение личной свободы, бывшие крепостные испытывали глубокое разочарование и не могли поверить, что царь предписывает им в течение двух лет беспрекословно подчиняться старым владельцам, что установлено бессрочное отбывание прежних повинностей, что помещики сохраняют неограниченную собственность на все земельные угодья. Охваченное иллюзорной верой в существование не «обманной», а подлинной воли, освобожденное крестьянство почти во всех губерниях Европейской России прекращало выполнение барщины и уплату оброка или отбывало их неохотно и неисправно. Во многих местах вспыхнули массовые крестьянские протесты, которые были жестоко подавлены

¹⁰ П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861—1907 гг.). Киев. 1914.

¹¹ П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России. Т. II. Пгг. 1913.

¹² П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958, гл. IV.

¹³ Д. И. Будаев. Из истории проведения выкупной операции в Смоленской губернии. «Материалы по изучению Смоленской области». Вып. 3. Смоленск. 1959, стр. 242—273.

военной силой. Правительство поспешило организовать губернские присутствия по крестьянским делам как руководящий орган для разрешения местных споров, утвердить намеченных мировых посредников, призванных разрешать возникающие конфликты, и образовать волостные и сельские административные органы. После подавления весеннего взрыва крестьянского протеста началось составление уставных грамот, определяющих размеры крестьянских наделов и повинностей. Завязалась упорная классовая борьба между крестьянами и помещиками вокруг основных вопросов пореформенного хозяйственного устройства. Крестьяне сплошь да рядом не соглашались с содержанием уставных грамот, составленных помещиками и проверенных мировыми посредниками, отказывались от предложенного разверстания угодий и перенесения на новые места своих усадеб. Вопреки Положениям 19 февраля больше половины крестьянского населения отказалось подписать уставные грамоты; в ответ на это новый министр внутренних дел, П. А. Валуев, провел закон о введении в действие грамот без согласия крестьян; в некоторых районах крестьянские подписи вымогались с помощью военных команд и телесных наказаний. Репрессивные меры еще более усиливали недоверие и ожесточение освобожденной крестьянской массы. Но главное, что поселяло тревогу среди помещиков и правительства, — это массовый отказ крестьян от добровольных соглашений, систематический саботаж при отбывании феодальных повинностей и нежелание большинства крестьян переходить на оброк и выкупать в собственность земельные наделы. К 1 января 1865 г. из десяти миллионов бывших крепостных крестьян стали собственниками наделов без содействия правительства (то есть по добровольному соглашению с помещиками) только 433,6 тыс. душ¹⁴, но это были преимущественно «дарственники», которые стремились сразу освободиться от постылых барщины и оброка путем получения ничтожного дарового надела.

Подавляющее большинство землевладельцев также реагировало на реформу 19 февраля с нескрываемым раздражением, надеясь, что опубликованные законы будут скоро изменены в желательном для них духе. В своих отчетах Александру II министр Валуев с огорчением констатировал, что многие помещики не представляют уставных грамот и через предводителей дворянства жалуются на неисправную работу крестьян и на грозящее им, помещикам, разорение. Помещичья фронда нашла себе наиболее яркое выражение в начале 1862 г. на губернских дворянских собраниях: здесь раздавались открытые протесты против нарушения священной дворянской собственности и вносились предложения изменить Положения 19 февраля в интересах господствующего класса. Петербургское и московское дворянские собрания заявили, что Положения 19 февраля противоречат екатерининской Жалованной грамоте 1785 г., и потребовали пересмотра реформы с участием депутатов от дворянства. Либеральная часть землевладельцев, тоже не удовлетворенная компромиссными актами 19 февраля, настаивала на введении обязательного выкупа и непосредственном участии помещиков в решении основных государственных вопросов.

Правительство легко оправилось с дворянской оппозицией, но в то же время создалось положение, не предусмотренное ни Редакционными комиссиями, ни реакционными представителями крепостнического лагеря. Невозможность добиться добровольных соглашений в духе помещичьих требований и растущие убытки от неисправного исполнения повинностей заставили дворянство изменить прежние планы: те самые помещики, которые протестовали против нарушения их права собственности и категорически возражали против выкупа земельных наделов,

¹⁴ ЦГИА, ф. 1181. Главный комитет об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 154, лл. 100—101.

стали требовать облегчения перевода крестьян на оброк и ускоренно-го проведения выкупной операции. В министерство внутренних дел стали поступать многочисленные дворянские ходатайства изменить Местное положение 1861 г., которое разрешало перевод с барщины на оброк только при согласии самих крестьян; помещики настаивали на том, чтобы им было разрешено ликвидировать барщину по одностороннему требованию владельца. В других записках, которые подавались через губернаторов и предводителей дворянства, возбуждалось ходатайство разрешить проведение выкупа не только в оброчных имениях, но и в издельных (барщинных), чего не предусматривали законы 1861 г.; некоторые помещики требовали перевода крестьян на даровой надел без всякого соглашения с крестьянами¹⁵. В помещичьих кругах, особенно в черноземных губерниях, где преобладала барщина, наиболее сильно звучало требование покончить с непроизводительной и невыгодной издельной повинностью. С этой точки зрения характерна записка помещика К. М. Веригина в Пензенское губернское присутствие. «Большинство помещиков,— писал автор записки,— будучи в полном убеждении, что барщинный труд повлечет к неприятным столкновениям с крестьянами, желают обрабатывать свои поля наймом и потому предложили временнообязанным крестьянам перейти на оброк, но они, не понимая своих выгод, отказываются от всякой перемены, имея, вероятно, в виду, что с прекращением помещичьей власти барщина доставит им беззаботное существование. Барщинное хозяйство могло только служить, и то весьма неудовлетворительно, при прежних правах владельцев. Но после преобразования крестьянского быта барщина приведет к общей неурядице»¹⁶. Не кто иной, как генерал Дренякин, жестоко подавивший крестьянское восстание в Кандеевке и обещавший после этого почти все уезды Пензенской губернии, доложил Александру II, а затем повторил в записке Валуеву, «что помещики вообще, будучи проникнуты полным сознанием несостоятельности обязательного труда, жаждут перевода крестьян на оброк и выкупа». Мотивируя эти заявления «затруднительным, частью даже бедственным положением помещиков», Дренякин считал необходимым, чтобы «уничтожилась бы всеми неуважаемая барщина или обязательный труд и сократилось бы разоряющее вконец помещиков время выжидания выкупа их земель, следующих в вечный надел крестьянам»¹⁷.

Наряду с сознанием своего полного бессилия перед крестьянским саботажем, несмотря на вмешательство полиции и применение военной силы, у помещиков усиливались стимулы перевода крестьян на выкуп по двум причинам: именно в это время были закрыты государственные кредитные учреждения, снабжавшие помещиков денежными ссудами, поэтому нуждавшиеся в средствах, особенно мелкопоместные и средние владельцы, хотели возможно скорее освободиться от ипотечного долга и получить на руки достаточно солидные суммы, хотя бы в форме процентных бумаг, колебавшихся в своем курсе. С другой стороны, напуганные повсеместным ожиданием «подлинной воли», помещики стремились прочнее закрепить за собою собственные угодья и внедрить такое же чувство собственности в сознание бывших крепостных крестьян.

В обстановке усилившейся классовой борьбы правительство заняло колеблющуюся позицию. Между министром внутренних дел П. А. Валуевым и министром финансов М. Х. Рейтерном по временам возникали разногласия и полемика по крестьянскому вопросу. Валуев, как и в период Редакционных комиссий, поддерживал сословно-классовые

¹⁵ ЦГИА, ф. 1291, Земский отдел МВД, оп. 1, 1862 г., дд. 173, 191.

¹⁶ Там же, 1861 г., л. 54, л. 24.

¹⁷ Там же, лл. 17—23; ср. лл. 377—382.

притязания помещиков; однако, призванный руководить реализацией реформы, он должен был соблюдать декорум и выступать в роли исполнителя законов, одобренных императором. В своем всеподданнейшем отчете от 15 сентября 1861 г. он успокаивал Александра II, рисуя оптимистическую картину восстановленного порядка и постепенного проведения в жизнь предначертаний правительства. Но на этом радужном фоне были заметны тревожные ноты и желание убедить царя в том, что необходимы некоторые изменения Положения 19 февраля. Министр заключал свой доклад многозначительными словами: «Не все явления и последствия внутреннего развития государства могут быть подводимы под заранее изданный закон. Иногда обнаруживается необходимость узаконить то, что законом не было и не могло быть предусмотрено». В другом месте отчета он осторожно расшифровывал эту мысль: «С одной стороны, необходимо убеждать крестьян в ошибочности их превратных надежд и поддерживать решительными мерами несколько поколебленное между ними повиновение административным властям. С другой, желательно убедить помещиков, что, не отступая от основных начал реформы, правительство готово подать им руку помощи для выхода из настоящего затруднительного их положения». На первый план Валуев выдвигал вопрос о барщине, которая «почти везде отбывается неохотно, небрежно и в меньшем против указаго размере... Землевладельцы действительно претерпевают убытки, частью от неисправного платежа оброков, частью же и преимущественно от неисправного отбывания издельных повинностей... Обеспечение действительного отбывания законной барщины оказалось на деле затруднительнее, чем предполагалось»¹⁸. Получая разнообразные жалобы и требования от помещиков различных губерний, Валуев сочувственно откликался на их ходатайства и вносил соответствующие законопроекты в Главный комитет по крестьянскому делу.

Совершенно иначе реагировал на помещичьи требования министр финансов Рейтерн. Не будучи либералом, он отчетливо сознавал свою личную ответственность за проведение финансовых мер в этот напряженный период бюджетных дефицитов; не без основания он опасался государственного банкротства в случае упадка курса процентных бумаг, возражал против их излишнего выпуска и, боясь убытков от выкупной операции, был склонен задерживать утверждение выкупных сделок. Борьба между Валуевым и Рейтерном шла с переменным успехом. В феврале 1862 г. министру внутренних дел удалось внести первое крупное изменение в реформу 1861 года. Государственный совет и Александр II, учитывая многочисленные ходатайства собственников барщинных имений, специальным законом 27 июня 1862 г. разрешили им переводить крестьян на выкуп без предварительного перехода на оброк; в виде особой привилегии взамен выкупных свидетельств владельцам таких имений выдавались особые удостоверения на получение из казны непрерывного дохода в повышенном, 5½-процентном размере. Однако, если выкуп совершался по одностороннему требованию помещика, условием такой выкупной сделки было предварительное удостоверение местных органов о платежеспособности крестьян. Эта последняя поправка должна была обеспечить Главное выкупное учреждение от возможного накопления недоимок¹⁹. Выиграв в данном вопросе, Валуев потерпел поражение в других, не менее важных. В июне 1864 г. Петербургское губернское присутствие по крестьянским делам возбудило ходатайство о разрешении выкупных сделок, которые санкционировали оброки, превышавшие установленные законные нормы. Валуев усилен-

¹⁸ ЦГИА, ф. 1284, Департамент общих дел МВД, оп. 241, 1861 г., д. 185.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 1, д. 173, лл. 7—9; «Второе полное собрание законов». Т. XXXVII, отд. 1, № 38407.

но поддерживал это предложение, Рейтерн решительно возражал против незаконного превышения оброков, определенных уставными грамотами. Вопрос имел не только принципиальное, но и практическое значение: аналогичные ходатайства были возбуждены владельцами других губерний, причем в случае положительного решения помещики должны были получить из государственной казны лишнюю сумму в 118 тыс. рублей. На этот раз победила точка зрения министра финансов²⁰. Гораздо серьезнее был спор, разгоревшийся между Валуевым и Рейтерном в связи с ходатайством петербургского дворянства разрешить выдачу выкупных ссуд в размере полной выкупной оценки, без всякого вычета $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$, даже в том случае, если выкуп происходил без согласия крестьян; повысить всем землевладельцам процент выкупных свидетельств до $5\frac{1}{2}\%$ и по желанию помещиков не вычитать из выкупной ссуды банкового долга, а процентные бумаги задерживать в обеспечение долга и возвращать помещикам после его погашения. Эти требования резко противоречили Положениям 1861 г., удовлетворяя интересы крупных земельных собственников, желавших получить возможно более высокую выкупную сумму, но не заинтересованных в немедленном получении на руки процентных бумаг. Авторы исходили из того соображения, что банковый долг, лежащий на помещичьих имениях, будет погашен раньше 49-летнего срока, на который рассрочены выкупные платежи, и хотели присвоить себе ту прибыль, которую получила на выкупной операции государственная казна. Предложения были мотивированы крупными потерями, которые понесли земельные собственники при проведении реформы. Ходатайство о невычете банкового долга поддержало дворянство Нижегородской, Тамбовской, Орловской и Смоленской губерний. Удовлетворение двух первых ходатайств — о выдаче полной выкупной оценки и об увеличении процента выкупных свидетельств — было бы необоснованной подачкой земельным собственникам, и Валуев не решился их поддерживать, но требование не вычитать банкового долга нашло в его лице самого энергичного и настойчивого защитника. Между Валуевым и Рейтерном в течение двух лет велась непрерывная дискуссия по этому вопросу. Министр финансов доказывал, что принятие предложенной меры грозит государству наводнением процентных бумаг и может привести к крушению всю выкупную операцию. В Главном комитете, куда поступило это дело в 1866 г., Валуева поддержали всесильный П. А. Шувалов и министр государственных имуществ А. А. Зеленой. Рейтерну удалось убедить большинство Главного комитета в необоснованности и опасности классовых притязаний крупных земельных собственников, и Валуев снова потерпел поражение²¹.

В начале 70-х годов положение в стране заметно изменилось сравнительно с моментом опубликования реформы: проведение железных дорог, рост капиталистической промышленности и торговли, возникновение частных кредитных учреждений создали более благоприятную обстановку для развития помещичьего хозяйства. Там, где крестьянам не хватало денежных средств, укрепилась переходная форма отработочной системы. Значительная часть мелкопоместных владельцев передала свои имения в казну или продала их новым собственникам. Средние хозяйствующие помещики в большинстве губерний успели перевести своих крестьян на выкуп. Временнообязанные крестьяне оставались главным образом в имениях крупных землевладельцев, которые не торопились приступать к выкупной операции и, удовлетворенные ростом продажных и арендных цен на землю, рассчитывали еще более выиграть

²⁰ ЦГИА, ф. 1181, Главный комитет по устройству сельского состояния, оп. т. XV, 1864 г., д. 71.

²¹ Там же, д. 75.

в 1881 г., когда наступал срок намеченной переобработки. С другой стороны, тяжесть выкупных платежей подорвала у крестьян всякие стимулы к переходу на выкуп. Иными словами, сложились социально-экономические предпосылки для задержки выкупной операции и продления временнообязанных отношений там, где они не были ликвидированы в предшествующие годы.

Каковы же были масштабы выкупной операции и ее основные этапы? Сколько выкупных платежей было внесено крестьянами в период необязательного выкупа? В какой степени за это время была ликвидирована феодальная рента и крестьяне перешли в категорию мелких собственников? Как варьировались эти процессы по отдельным губерниям и районам и в чем заключались причины неравномерного перехода к новому, капиталистическому строю? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо использовать отчеты выкупных учреждений и установить, какие из них наиболее достоверны и насколько приводимые цифры соответствуют реальной действительности. В течение 60—70-х годов Государственный банк, выполнявший с 1865 г. функции главного выкупного учреждения, систематически публиковал свои отчеты не только в кратких таблицах в «Правительственном Вестнике», но и в подробных ведомостях, представляемых Главному комитету и различным ведомствам, а также в ежегодных солидных фолиантах с многочисленными цифровыми показателями. Однако вся эта ведомственная литература была построена на самых ненадежных основах. Проведение выкупной операции было возложено на разные учреждения: губернские присутствия по крестьянским делам, местные казначейства, казенные палаты, Петербургскую сохранную казну и т. д. Каждый из этих органов действовал самостоятельно, несогласованно с другими, применяя разную методику подсчетов и допуская немало ошибок. Кроме того, обязанности всех этих органов не раз изменялись: вместо одних руководящих учреждений назначались другие; делопроизводство нередко велось небрежно, и министерство финансов само признавало, что «отчеты Государственного банка по выкупной операции в настоящем их виде не могут быть признаны удовлетворительными, так как не выражают не только действительного положения сей операции, но даже и движения выкупных платежей»²². Перелом произошел в 1882 г., когда министром финансов был назначен хорошо подготовленный экономист профессор Н. Х. Бунге. К этому моменту делопроизводство выкупной операции было настолько запутано, что правительство оказалось не в состоянии точно установить ни суммы выкупных платежей, ни накопившихся недоимок, ни размеров запасного капитала, предназначенного для чрезвычайных расходов. По инициативе Бунге было решено произвести детальную проверку всех имеющихся счетов, внести в них необходимые исправления и составить новый, исчерпывающий отчет за все минувшее двадцатилетие. Были ассигнованы десятки тысяч рублей, созданы специальные штаты квалифицированных чиновников, и Государственный банк начал гигантскую работу, которая продолжалась в течение десяти лет. Только в 1893 г. вышел наконец исправленный отчет по выкупной операции, который аннулировал все предшествующие статистические сводки и в изданиях министерства финансов и в «Правительственном Вестнике». Поэтому, учитывая всю историю делопроизводства по выкупному делу, мы не можем пользоваться в качестве источника забракованными отчетами 1860—1880 гг., а должны опираться на отчет 1893 года. К сожалению, и здесь есть существенные пробелы: перед нами — сводка наиболее достоверных данных о расчетах с помещиками и крестьянами, но по ряду вопросов — о количестве душ, перешедших на выкуп, о размерах выкупленной земельной площади,

²² «Отчет ГБ», стр. 2.

о стоимости каждой десятины земли, о процентном отношении выкупных платежей к остальным крестьянским повинностям (государственным, земским и мирским) — мы не находим сведений в этом солидном статистическом труде; вот почему «Отчет Государственного банка» издания 1893 г. приходится восполнять другими ведомственными материалами.

Чтобы определить ход выкупной операции по отдельным губерниям, можно воспользоваться данными «Отчета» о ежегодных суммах выкупных платежей, подлежащих внесению крестьянами; суммируя их по трехлетиям и вычисляя процент прироста за каждый из этих равномерных промежутков времени, можно установить этапы процесса заключения выкупных сделок и их особенности в различных губерниях и районах (см. таблицу № 1).

Всматриваясь в приведенные цифры, мы убеждаемся, что в первое трехлетие (1862—1864 гг.) переход на выкуп преобладал в плодородных черноземных губерниях, особенно в таких многоземельных, как Воронежская, затем в Поволжье, где плодородная почва сочеталась с выгодами развитого транспорта (Казанская, Симбирская, Саратовская губернии), и на колонизирующихся плодородных окраинах (Оренбургская и Уфимская губернии). Относительно высокий прирост выкупных сумм имел также место в степной Астраханской губернии с ее ничтожным количеством крепостных и развитыми рыбными и транспортными промыслами на Волге. Меньший прирост выкупных сделок имел место в районах с малоплодородной нечерноземной почвой, в частности в Центральном промышленном и Северо-Западном районах, в северной части Приуралья и на крайнем севере. Исключением в составе черноземных губерний являлись Тульская, Орловская и в меньшей степени Тамбовская губерния, где была сильнее развита промышленность, или крупная или мелкая крестьянская. Особое положение занимала Нижегородская губерния с ее развитыми товарно-денежными отношениями, крупной ролью волжского транспорта и местными деревообделочными промыслами.

Во второе трехлетие (1865—1867 гг.) по понятным причинам прирост выкупных сумм заметно увеличивается (за исключением Пермской губернии), но и здесь наибольшие суммы выкупных платежей вносятся крестьянами плодородных губерний — Центрального черноземного района, Среднего Поволжья, плодородной части Приуралья и всего Степного края. В нечерноземных губерниях Центрального промышленного и Северо-Западного районов, так же как в северных областях, заметно возрастание выкупных платежей, но они еще сильно отстают от черноземных губерний. Причина отмеченных явлений станет вполне понятной, если мы вспомним, что именно в черноземных земледельческих районах преобладала барщина или в чистой форме, или в сочетании с оброком (в форме так называемых смешанных повинностей). Именно здесь непроизводительная, иногда убыточная барщина должна была стимулировать стремление помещиков поскорее развязаться с крестьянами и завести новое, вольнонаемное хозяйство; именно тут помещики были более всего заинтересованы в том, чтобы посредством выкупа получить денежные средства от правительства, приобрести живой и мертвый инвентарь и наличные средства для найма рабочих. Там, где преобладала оброчная система, а наличие мелких промыслов и отхода на заработки обеспечивало более исправную уплату оброка, помещики были менее заинтересованы в переводе временнообязанных крестьян на выкуп. Но и здесь были земледельческие уезды с развитым зерновым и огородным хозяйством, которые во второе трехлетие дают заметный прирост выкупных сделок.

В третьем и четвертом трехлетиях (1868—1873 гг.) мы видим уже обратное явление: нечерноземные губернии с преобладанием оброка по-

Выкупные платежи б. помещичьих крестьян, подлежавшие внесению в казначейство в 1862—1882 гг. (в тысячах рублей)*

РАЙОНЫ И ГУБЕРНИИ	1862—1864 гг.		1865—1867 гг.			1868—1870 гг.			1871—1873 гг.			1874—1876 гг.			1877—1879 гг.			1880—1882 гг.		
	Общая сумма	% к макс. сумме	Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост и убыль		Общая сумма	Прирост и убыль		Общая сумма	Прирост и убыль	
				сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
I. Центральный промышленный район																				
1. Московская . . .	276,4	5	1397,5	1121,1	22	2532,7	1135,2	23	2797,5	264,8	5	4350,7	1553,2	31	4885,5	534,8	11	5044,4	158,9	3
2. Владимирская . . .	205,8	4	1164,0	958,2	21	2216,8	1052,8	23	3368,1	1151,3	25	4002,3	634,2	14	4314,5	312,2	7	4591,7	277,2	6
3. Ярославская . . .	98,0	3	696,9	598,9	17	1454,8	761,5	21	2319,5	861,1	24	2942,9	623,4	17	3353,6	410,7	12	3581,9	228,3	6
4. Костромская . . .	127,4	3	998,6	871,2	22	1936,2	937,6	24	2996,5	1060,3	27	3453,4	456,9	12	3734,3	280,9	7	3910,2	175,9	5
5. Тверская . . .	401,2	7	1840,7	1439,5	26	3225,4	1384,7	25	4615,5	1390,7	25	5145,3	529,8	10	5445,8	300,5	5	5561,7	115,9	2
6. Калужская . . .	292,3	6	1498,2	1205,9	26	2290,2	792,0	18	3373,4	1083,2	23	3937,3	563,9	12	4253,2	315,9	7	4629,3	376,1	8
7. Смоленская . . .	330,7	6	2271,6	1940,9	35	3229,9	958,3	17	4450,7	1220,8	22	5039,3	588,6	11	5443,9	404,6	7	5561,0	117,1	2
8. Рязанская . . .	328,5	6	1888,8	1560,3	32	2819,4	930,6	19	3704,2	884,8	18	4236,7	532,5	11	4595,8	359,1	7	4927,0	331,2	7
II. Центральный черноземный район																				
1. Тульская . . .	247,6	5	1505,2	1257,6	26	2422,2	917,0	19	3441,1	1018,9	21	4015,8	574,7	12	4469,2	453,4	9	4883,9	414,7	8
2. Орловская . . .	132,9	3	1402,0	1269,1	29	2467,8	1065,8	24	3170,5	702,7	16	3602,8	432,3	10	3976,8	374,0	9	4354,4	377,6	9
3. Курская . . .	390,5	11	2022,0	1631,5	46	2630,2	608,2	17	3112,9	482,7	13	3354,0	241,1	7	3497,0	143,0	4	3581,7	84,7	2
4. Воронежская . . .	1036,1	40	2019,5	1013,4	40	2156,5	137,0	5	2323,2	166,7	7	2447,8	124,6	5	2500,1	52,3	2	2532,0	31,9	1
5. Пензенская . . .	457,5	15	1953,1	1495,6	48	2625,4	672,3	21	2885,6	260,2	8	3038,2	152,6	5	3125,4	87,2	3	3086,8	-38,6	-1
6. Тамбовская . . .	355,1	8	2224,1	1869,0	43	3097,6	873,5	20	3685,1	587,5	13	3858,0	172,9	4	4241,4	383,4	9	4366,8	125,4	3
III. Северо-Западный район																				
1. Петербургская . . .	115,7	5	705,8	590,1	24	1419,6	713,8	29	2029,9	610,3	24	2362,5	332,6	13	2487,6	125,1	5	2496,5	8,9	0,3
2. Новгородская . . .	130,7	4	1103,8	973,1	30	1944,3	840,5	27	2635,5	691,2	22	2967,7	332,2	11	3139,5	171,8	5	3162,9	23,4	1
3. Псковская . . .	71,5	3	554,2	482,7	19	1282,2	728,0	29	1926,3	644,1	26	2270,5	344,2	14	2465,0	194,5	8	2485,5	20,5	1

РАЙОНЫ И ГУБЕРНИИ	1862—1864 гг.		1865—1867 гг.			1868—1870 гг.			1871—1873 гг.			1874—1876 гг.			1877—1879 гг.			1880—1882 гг.		
	Общая сумма	% к макс. сумме	Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост		Общая сумма	Прирост и убыль		Общая сумма	Прирост и убыль		Общая сумма	Прирост и убыль	
				сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%		сумма	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
IV. Среднее Поволжье																				
1. Нижегородская	195,6	5	1009,6	814,0	21	1709,2	699,6	18	2474,4	765,2	19	2998,2	523,8	13	3523,4	525,2	13	3946,2	422,8	11
2. Казанская	232,4	21	729,0	496,6	46	890,4	161,4	15	1009,5	110,1	13	1032,9	32,4	3	1060,3	27,4	2	1037,9	-22,4	-2
3. Симбирская	528,1	22	1527,0	998,9	41	1843,7	316,7	13	2155,2	311,5	13	2368,1	212,9	9	2430,2	62,1	2	2435,6	5,4	0,2
4. Саратовская	434,6	15	2009,2	1574,6	53	2441,6	432,4	14	2700,7	259,1	9	2870,4	169,7	6	2962,2	91,8	3	2970,0	7,8	0,2
V. Приуралье																				
1. Вятская	5,7	2	70,1	64,4	27	148,5	78,4	33	227,0	78,5	33	234,9	7,9	3	239,1	4,2	2	239,7	0,6	0,2
2. Пермская	10,3	1	26,6	16,3	1	37,7	11,1	1	154,8	117,1	6	1071,8	917,0	49	1554,9	483,1	26	1853,2	298,3	16
3. Оренбургская	38,6	28	110,8	72,2	53	128,5	17,7	13	136,6	8,1	6	136,0	-0,6	-0,4	133,7	-2,9	-2	128,6	-8,0	-6
4. Уфимская	118,3	18	457,9	339,6	51	578,9	121,0	18	653,2	74,3	11	663,8	10,6	1	667,6	3,8	1	643,3	-24,3	-4
VI. Степной район																				
1. Самарская	145,0	16	591,3	446,3	48	732,5	141,2	15	836,9	104,4	11	880,5	43,6	5	924,3	43,8	5	903,4	-20,9	-2
2. Астраханская	8,8	25	24,8	16,0	45	32,1	7,3	21	33,9	1,8	5	34,6	0,7	2	34,6	0	—	35,3	0,7	2
3. Ставропольская	—	—	47,4	—	83	48,6	1,2	2	51,5	2,9	5	51,3	-0,2	-0,3	57,2	5,7	10	56,9	-0,3	-0,5
VII. Север																				
1. Олонекская	0,3	1	16,5	16,2	31	36,3	19,8	38	46,6	10,3	19	50,0	3,4	6	52,7	2,7	5	45,8	-6,9	-11
2. Вологодская	38,1	3	266,6	228,5	18	541,7	275,1	22	810,6	268,9	22	990,2	179,6	15	1130,6	140,4	11	1247,5	116,9	9

* Таблица составлена на основании исправленных статистических данных, опубликованных в «Отчете Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г.». СПб. 1893, приложение № 24, стр. 2—3, 14—15, 26—27, 38—39, 50—51, 62—63, 74—75. В первой графе каждого трехлетия показана общая сумма выкупных платежей, подлежащих уплате со стороны крестьян за данный период; во второй графе каждого трехлетия (кроме первого — «1862—1864 гг.») показана разность между суммами данного и предыдущего трехлетий; в последней графе каждого трехлетия показано процентное отношение первоначальной суммы (1862—1864 гг.) и последующих приростов (в 1865—1882 гг.) к максимальной трехлетней сумме за все время существования необязательного выкупа (при обозначении процентов, за исключением немногих случаев, дробь отброшена и целые числа округлены). Там, где было уменьшение, а не прирост выкупных платежей, перед разностью во второй графе и процентом в третьей поставлен минус.

Крестьяне-собственники большепоместных имений
(в процентном отношении к общему числу крестьян) *

Таблица № 2

Районы и губернии	Общее число крестьян большепоместных имений	1865 г.	1866 г.	1867 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1879 г.	1881 г.	1882 г.	Население большепоместных имений на 1/1 1882 г.
I. Центральный промышленный район												
1. Московская	280 990	13,7	20,7	32,1	66,9	70,4	73,6	76,3	81,4	85,0	87,0	282 587
2. Владимирская	313 000	10,7	14,8	21,5	60,0	62,3	64,6	65,7	69,7	74,4	77,0	311 294
3. Ярославская	233 429	7,4	10,2	16,5	65,7	69,6	73,3	77,4	84,3	89,7	93,0	187 326
4. Костромская	266 846	8,2	17,0	29,4	56,3	58,4	60,6	62,0	64,8	69,3	71,1	284 875
5. Тверская	333 154	17,6	23,6	31,9	70,6	71,5	73,3	74,9	77,8	80,7	83,5	342 663
6. Калужская	277 773	17,2	24,6	30,4	65,3	68,2	70,7	72,1	77,8	82,8	85,0	281 531
7. Смоленская	325 643	23,5	35,1	41,9	75,5	77,7	79,3	81,8	86,1	88,6	90,3	327 143
8. Рязанская	353 459	18,0	26,3	33,4	63,6	61,9	64,3	65,8	68,9	73,8	76,8	359 691
II. Центральный черноземный район												
1. Тульская	369 029	14,7	18,8	22,9	52,5	54,5	56,4	58,1	64,0	68,8	71,7	364 053
2. Орловская	309 377	10,6	21,1	24,5	56,9	58,3	59,1	61,5	65,9	71,4	75,3	314 568
3. Курская	293 977	26,7	36,8	45,0	50,7	51,9	52,3	52,8	54,5	56,3	57,6	344 649
4. Воронежская	218 956	59,4	64,6	68,0	78,4	79,4	81,2	81,4	82,7	85,0	85,6	222 992
5. Пензенская	241 626	36,0	50,3	60,7	78,5	79,4	80,6	81,6	83,4	84,5	85,5	251 992
6. Тамбовская	343 441	26,8	37,7	46,3	70,0	70,9	72,7	74,0	77,7	80,1	81,6	337 007
III. Северо-Западный район												
1. Петербургская	117 420	16,1	23,7	29,3	62,2	74,9	76,5	77,6	79,4	81,8	83,6	144 120
2. Новгородская	184 598	16,1	23,7	34,2	72,9	75,9	76,8	79,4	81,9	83,7	86,1	183 471
3. Псковская	172 338	9,2	16,0	22,8	64,8	68,2	70,4	72,5	75,3	77,5	78,4	173 104

Районы и губернии	Общее число крестьян по большому и малому	1865 г.	1866 г.	1867 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1879 г.	1881 г.	1882 г.	Число крестьян по большому и малому на 1 января 1882 г.
IV. Среднее Поволжье												
1. Нижегородская	344 211	11,7	16,7	20,1	46,6	48,7	51,1	54,1	59,3	65,2	68,0	343 031
2. Казанская	92 993	56,1	64,4	66,5	84,4	84,8	85,1	86,0	87,2	88,0	89,2	92 623
3. Симбирская	198 577	45,5	53,3	58,1	80,9	82,4	84,0	84,5	85,7	87,7	88,1	200 967
4. Саратовская	299 560	49,1	60,6	66,4	82,2	83,9	84,9	85,3	87,1	88,1	89,1	306 516
V. Приуралье												
1. Вятская	25 300	39,1	44,1	45,4	89,4	89,4	90,0	90,2	90,8	93,5	94,2	24 371
2. Пермская	292 705	37,9	37,9	36,9	50,5	53,3	59,1	61,9	68,8	71,7	73,3	313 504
3. Оренбургская)	103 339	50,6	54,2	75,4	98,9	98,9	98,9	98,9	98,9	99,0	99,0	27 106
4. Уфимская)				66,1	88,2	86,4	86,6	86,6	88,3	88,3	88,3	78 385
VI. Степной район												
1. Самарская	102 234	40,8	50,7	55,8	84,8	85,4	86,4	88,1	88,3	88,6	88,7	95 724
2. Астраханская	5 377	12,2	26,7	31,1	32,9	33,8	33,8	33,8	33,8	35,6	35,6	5 374
3. Ставропольская	4 402	0,1	71,3	71,3	30,0	31,6	31,6	31,6	31,6	31,6	31,6	10 571
VII. Север												
1. Олонекская	4 085	10,0	17,6	33,7	57,1	57,8	60,2	60,2	62,1	63,4	67,5	4 654
2. Вологодская	95 916	8,4	11,7	17,0	46,2	49,3	52,9	54,0	59,8	65,1	67,5	96 575

* Таблица составлена на основании «Ведомостей Земского отдела Мин. вн. дел о числе приведенных в исполнение сделок, прекращающих обязательные отношения, и о числе душ крестьян собственников» на 1 января каждого года (ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1865 г., д. 154, л. 100; 1866 г., д. 156, л. 111; 1867 г., д. 156, л. 118; 1873 г., группа дел, не вошедших в Контрольные реестры, д. 7, лл. 7, 8, 11, 12, 16, 17, 21, 22, 118, 119, 153, 154). Первая графа — число наличных крестьян на 1 января 1865 г., последняя — число наличных крестьян на 1 января 1882 г. Исправлены ошибки в процентных вычислениях Земского отдела по губерниям: Тульской (в 1875 г.), Орловской (в 1876 г.), Курской (в 1865—1875 гг.) и Пензенской (в 1881 г.).

степенно и равномерно перегоняют черноземные области; таковы Центральный промышленный и Северо-Западный районы, промысловые губернии Черноземного центра, Вятская губерния и Северное Приморье. К этому времени для крестьян уже выяснилась непосильность выкупных платежей, а помещики черноземных районов стали все больше практиковать отработочную систему; в то же время крупные земельные собственники черноземного края предпочитали перевести крестьян на оброк и задержать переход к выкупу. Наоборот, в оброчных нечерноземных губерниях в обстановке усиливающегося развития торговли и промышленности помещики тяготились накоплением оброчных недоимок и предпочитали развязаться с временнообязанными крестьянами, получив выкупную ссуду и немедленно пустив ее в оборот. В северных и северо-западных уездах со скудной почвой обнаружались явные признаки крестьянского обеднения, и оброчные недоимки росли наиболее быстро. Особое положение в этот период занимала Пермская губерния с ее монопольными владениями горнозаводских магнатов: как выяснили правительственные ревизии, здесь происходила ненормальная задержка в составлении уставных грамот, неправильное образование волостей и произвольное перечисление крестьян-земледельцев в категорию мастеровых с ничтожным наделом; все эти факты не могли не сказаться на замедлении выкупной операции, которая только к середине 70-х годов обнаружила заметный прирост крестьянских платежей.

Пятое трехлетие (1874—1876 гг.) показывает заметное уменьшение выкупных сделок, а следовательно, и крестьянских платежей. Исключение представляла собою только Пермская губерния, которая после пересоставления уставных грамот и устранения наиболее вопиющих злоупотреблений сразу дала около половины прироста платежей за весь период необязательного выкупа.

В шестом и седьмом трехлетиях (1877—1882 гг.) в период усиливающегося обеднения крестьян и их растущей недоимочности кривая приростов выкупных сумм резко падает вниз, а в некоторых районах — в Южном Приуралье, в Самарской и Ставропольской губерниях — взамен прироста мы наблюдаем уменьшение выкупных платежей; правительство вынуждено в это время снижать годовые оклады, особенно в годы русско-турецкой войны и частых неурожаев. Сопоставляя эти последние шесть лет со всем предыдущим периодом, мы убеждаемся, что, за самыми редкими исключениями, остававшиеся временнообязанные крестьяне составляли небольшое меньшинство, а собственники земли предпочитали ждать близкой переоброчки, чтобы выиграть на повышении земельных цен и получить более высокую выкупную ссуду. Дополнением к «Отчету Государственного банка» издания 1893 г. служат ежегодные ведомости о числе утвержденных выкупных сделок и о количестве крестьян, перешедших в категорию собственников в большешепоместных имениях. Ведомости составлялись земским отделом министерства внутренних дел на основании данных губернских присутствий, обязанных утверждать и приводить в исполнение все заключенные сделки. Хотя ведомости не сохранились за все годы необязательного выкупа и грешат некоторыми ошибками, но это наиболее полная и точная сводка первичных данных, показывающая процентное отношение подавляющего числа крестьян, выкупивших наделы, к общей массе бывших помещичьих крепостных (таблица № 2).

Разбираясь в этих статистических итогах, необходимо сделать одну оговорку: между цифрами погубернских выкупных платежей и количеством крестьян-собственников не может быть полного соответствия. С одной стороны, имела место неравномерность капитализированных оброков по отдельным губерниям и даже отдельным имениям; с другой стороны, многие крестьяне становились собственниками без выкуп-

ной операции, получая в дар четвертной надел. Тем не менее, когда мы прослеживаем по таблице № 2, как протекала ликвидация феодальных отношений, мы улавливаем те же тенденции, какие обнаружила таблица № 1. В течение 1862—1867 гг. впереди идут черноземные губернии с преобладанием барщины; и здесь особенно выделяются плодородные, в частности многоземельные губернии, где сохранение непроизводительного барщинного хозяйства и меньшее развитие товарно-денежных отношений усиливали стремление помещиков завести собственное самостоятельное хозяйство, получив на руки выкупную ссуду. Наоборот, в 70-е годы на первый план выдвигаются нечерноземные оброчные губернии, которые постепенно обгоняют плодородные районы. В последние годы и здесь наблюдается замедленный выход крестьян в число самостоятельных собственников. Обращает на себя внимание заторможенность процесса на малонаселенных юго-восточных окраинах с ничтожным количеством крепостных и острым недостатком рабочей силы: об этом ясно говорят цифры Астраханской и Ставропольской губерний. Менее интенсивный процесс ликвидации феодальных отношений наблюдается также на крайнем севере с его скудными наделами и наименьшими оброками (Олонецкая и Вологодская губернии). Необходимо отметить особое положение Пермской и Ставропольской губерний с их неожиданными колебаниями процента крестьян-собственников к общей массе населения. Сопоставляя цифры 1866 и 1867 гг. в Пермской губернии, мы имеем основание объяснить уменьшение процента крестьян-собственников увеличением числа крестьянского населения в результате пересоставления уставных грамот. В еще большей степени этот фактор должен был оказывать влияние в колонизирующейся Ставропольской губернии (ср. 1867 и 1876 гг.), куда происходило массовое переселение крестьян из внутренних губерний.

Сравнивая обе таблицы, мы должны констатировать ясно обнаружившуюся невыгодность барщинного хозяйства под натиском растущих капиталистических отношений. Правда, феодальная барщина уступает место испольщине и отработкам, но эти переходные формы распространяются в менее развитых районах с большими остатками натурального хозяйства и острой нуждой крестьянина в наличных денежных суммах. Таким образом, статистические данные о развитии выкупной операции наносят еще один удар устарелому выводу П. Б. Струве о жизнеспособности и силе барщинной системы в период отмены крепостного права.

В «Ведомостях» земского отдела (таблица № 2) различаются две категории крестьян-собственников: с одной стороны, прекративших обязательные отношения при содействии правительства, преимущественно по одностороннему требованию помещиков, с другой — без содействия правительства, то есть по добровольному соглашению с землевладельцами. Первая категория во много раз превышает вторую, а в эту вторую группу, как нам известно из других источников, входили главным образом дарственники, то есть бывшие крепостные, не желавшие переходить на выкуп и по договору с помещиками получавшие четверть высшего надела данной местности. Министерство внутренних дел и Главный комитет в 1870 г. насчитывали до 600 тыс. дарственников²³, однако в официальных документах того времени не было точного подсчета этой категории крестьян. Только в 1906—1907 гг. Главное управление земледелия и землеустройства произвело массовое анкетное обследование количества и отчасти хозяйственного положения дарственников; суммируя полученные сведения по отдельным губерниям и по всей стране, ведомство установило, что в 1907 г. во всей империи было

²³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 38, 1881 г., д. 62, л. 2 об.; ф. 1181, оп. т. XV, 1881 г., д. 28, ч. 1, л. 38.

461 244 ревизских души на четвертном наделе. Сами авторы признавали эти данные неполными. А если мы учтем, что с момента получения «дара» прошло около полувека, и сопоставим приведенные цифры с данными земских подворных переписей 70-х годов (например, по Саратовскому и Курскому уездам), то окажется, что цифры 1907 г. значительно ниже тех, какие были в период 1862—1882 годов. По тридцати русским губерниям анкетные данные 1907 г. устанавливают цифру в 378 452 дарственника. Если мы вычтем эту сумму из общего количества крестьян, освобожденных от обязательных отношений к 1882 г. (644 094 ревизских души), то убедимся, что, помимо дарственников, вступило в добровольные соглашения с помещиками только 3% крестьян-собственников. Этой ничтожной цифре противостояло более 4,5 миллиона душ (то есть 89,4%), перешедших на выкуп преимущественно по одностороннему требованию помещиков.

Судя по обследованию 1906—1907 гг., дарственников было больше всего в Поволжье и в черноземных губерниях: Саратовской, Воронежской, Симбирской, Курской, Казанской, Самарской. Именно здесь пролегали плодородные почвы, но не хватало прочных внеземледельческих заработков и во многих местах после реформы сохранялись условия натурально-хозяйственного быта. Рассчитывая на дешевую аренду соседних земель, а иногда на покупку дополнительных участков за низкую цену, крестьяне предпочитали поскорее освободиться от барщины и оброка, порвать правовую зависимость от помещиков и завести самостоятельное мелкотоварное хозяйство. Более зажиточные крестьяне в качестве единоличников или членов товариществ выиграли от такого исхода реформы. В ином положении оказалась основная середняцкая и бедная масса дарственников: проведение железных дорог и массовый спрос на землю, предъявленный крестьянами и купцами, быстро повысили арендные и продажные цены на землю. В итоге началось быстрое обеднение дарственников, которые к 1907 г., по данным того же обследования 1907 г., насчитывали 10% безземельных разоренных дворов. В некоторых районах, например, в Саратовском уезде, где было особенно много дарственников, земская перепись констатировала даже 17% безземельных домохозяев. Приобрести собственную землю оказалось возможным только для 14%, причем покупателями выступали преимущественно сельские общества и товарищества, гораздо меньше единоличники. Арендовать соседние земли приходилось на тяжелых условиях — за дорогую цену, исполу или за отработки²⁴. Вот что говорил о положении дарственников министерский циркуляр 26 мая 1881 г.: «Опыт минувших лет показал, что большинство крестьян, перешедших на даровой надел, дошли до такой степени нищеты, что земства вынуждены оказывать ежегодные пособия на прокормление, и со стороны самих крестьян возникают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием от правительства. Такие результаты ясно доказывают, что сделки о получении в дар четверти надела заключались крестьянами большею частью необдуманно, без соображений о будущем и что местные по крестьянским делам учреждения при засвидетельствовании и утверждении таких сделок не всегда достаточно разъясняли крестьянам последствия сделки и не удостоверались в полной сознательности ее заключения»²⁵.

В противоположность дарственникам привилегированное положение заняли крестьяне-собственники, которые по официальной терминологии уплачивали «особые взносы». Согласно Положению о выкупе 1861 г., крестьяне получили право сразу или постепенно погашать свою

²⁴ «Дарственное надельное землевладение крестьян (по обследованию 1907 г.)», СПб. 1908.

²⁵ ЦГИА, ф. 1291, оп. 3, 1881 г., д. 539, л. 5.

задолженность государству. Статьи 161 и 162 давали право сельским обществам немедленно выкупать свои наделы и превращаться в так называемых «полных собственников», освобожденных от дальнейшего внесения выкупных платежей; 165-я статья давала такое же право отдельным крестьянам, которые сразу вносили выкупную сумму и могли требовать от общества выдела земли к одному месту; наконец, 115-я статья допускала досрочное частичное погашение выкупного долга с соответственным уменьшением процентов при последующих уплатах. Министерство финансов возлагало большие надежды на «особые взносы»: предполагалось, что бывшие крепостные, получившие личную свободу, сумеют быстро встать на ноги и будут заинтересованы скорее сделаться полными собственниками. Экономическая действительность и здесь не оправдала предположений правительства. По данным Государственного банка, на 1 января 1882 г. по 165-й статье стали полными собственниками 3560 душ, которые внесли государству 5 103 769 рублей; это составляло ничтожный процент всего количества бывших помещичьих крестьян (от 0,1% в Орловской до 2,99% во Владимирской губерниях). Только в двух губерниях — Ярославской с ее высоким развитием отхода и местных промыслов и в многоземельной Оренбургской — процент полных собственников был несколько выше: в первой — 3,98%, во второй — 10,17%. Так же ничтожны были и досрочные взносы со стороны сельских обществ: к 1873 г. из 597,9 миллиона рублей они погасили только 883 тысячи рублей, то есть 0,14%. Нет никакого сомнения, что «особые взносы» делали или богатые крестьяне, желавшие приобрести полную хозяйственную независимость, или более зажиточные селения, в которых верховодила кулацкая прослойка²⁶.

Сопоставляя тяжелое положение дарственников с самостоятельным положением полных собственников, мы убеждаемся, что уже в этот ранний период ликвидации феодальных отношений происходил явственный процесс разложения крестьянства. Прекращение обязательных отношений дало сильнейший толчок разложению крестьянства, как класса феодального общества.

Невольно возникают вопросы: почему крестьяне, в основном занимавшиеся земледелием на плодородной черноземной почве, так настойчиво домогались дарового нишенского надела, отказываясь от трех четвертей «высшей» нормы, установленной Положениями 1861 года? Почему так ничтожен был процент добровольных сделок по обоюдному соглашению крестьян с их бывшими владельцами? Почему государство получило так мало «особых взносов», как досрочных, так и приводивших к полному выкупу наделов? Ответы на эти вопросы станут вполне ясными, если мы проанализируем размеры и способы взимания выкупных платежей. Положения 1861 г. не только завысили стоимость земли, предоставляемой крестьянам, но также возложили на плательщиков высокий процент, значительно увеличенный сравнительно с обычным процентом на земельные ссуды: вместо преобладавших 4% крестьяне должны были ежегодно платить 5%; кроме того, помимо 0,5% на погашение выкупного капитала, было установлено еще 0,5% на расходы по выкупной операции — сумма, явно завышенная из опасения дефицита. На крестьян были переложены банковские долги помещиков, и проценты по этим долговым ссудам продолжали взыскиваться даже тогда, когда банковские долги были погашены. Выкупная ссуда, возложенная на крестьянские плечи, вопреки закону не погашалась в течение многих лет. Крестьяне в течение долгого периода платили только проценты на капитал без всякой надежды, что они развяжутся с долгом в течение 49-летнего срока. Ежегодные оклады выкупных

²⁶ «Свод данных Государственного банка о поступлении особых взносов от бывших помещичьих крестьян по 1882 г.». СПб. 1885.

Недоимки крестьян по выкупным платежам в 1864—1882 гг.*

Районы и губернии	1864 г.			1873 г.			1882 г.		
	Подлежало уплате	Недоимка	%	Подлежало уплате	Недоимка	%	Подлежало уплате	Недоимка	%
I. Центр. промышленный район									
1. Московская	217 947	90 672	41,6	1 320 693	687 097	52,0	1 627 099	3 334 176	204,8
2. Владимирская	121 788	47 908	39,3	1 222 437	132 465	10,8	1 490 100	296 466	10,9
3. Ярославская	71 357	22 498	31,5	865 005	28 871	3,3	1 176 423	74 548	6,3
4. Костромская	81 386	30 811	37,8	1 067 138	203 539	19,0	1 272 849	757 919	59,9
5. Тверская	264 285	43 047	16,2	1 635 817	360 612	22,0	1 803 075	591 176	32,7
6. Калужская	185 325	73 857	39,9	1 210 698	174 040	14,3	1 497 777	351 728	23,4
7. Смоленская	265 699	181 555	68,3	1 542 464	2 156 510	139,8	1 782 943	5 034 290	310,4
8. Рязанская	231 190	129 514	56,0	1 309 337	332 714	25,4	1 621 710	945 523	58,3
II. Центр. черноземный район									
1. Тульская	197 311	85 084	43,1	1 232 255	49 489	4,0	1 612 425	113 034	7,0
2. Орловская	104 147	47 199	45,3	1 117 218	223 239	19,9	1 448 027	1 148 946	79,3
3. Курская	342 888	142 691	41,6	1 076 512	104 409	9,6	1 152 230	191 828	16,6
4. Воронежская	276 208	48 209	17,4	804 750	136 274	16,9	807 374	451 777	55,9
5. Пензенская	320 597	146 852	45,8	989 158	408 476	41,2	980 905	195 001	19,8
6. Тамбовская	256 821	116 347	41,4	1 264 022	160 630	13,4	1 394 101	565 688	40,5
III. Северо-Западный район									
1. Петербургская	69 723	23 088	33,1	715 926	896 205	123,7	791 214	973 235	123,0
2. Новгородская	92 617	78 221	84,4	918 243	1 495 454	162,8	1 003 278	2 172 326	216,5
3. Псковская	55 692	18 912	33,7	686 438	593 736	86,4	785 220	1 157 567	147,4

Районы и губернии	1864 г.			1873 г.			1882 г.		
	Подлежало уплате	Недомка	%	Подлежало уплате	Недомка	%	Подлежало уплате	Недомка	%
IV. Среднее Поволжье									
1. Нижегородская	132 401	36 182	27,2	909 462	337 320	37,0	1 284 492	769 840	59,9
2. Казанская	149 262	60 648	40,6	338 506	11 673	3,4	319 012	367 960	115,3
3. Симбирская	330 314	161 145	48,7	764 366	116 049	15,1	774 673	440 859	56,9
4. Саратовская	317 714	142 610	44,8	927 918	177 827	19,1	945 998	596 752	63,0
V. Приуралье									
1. Вятская	4 255	634	14,9	77 580	2 243	2,8	71 122	7 851	11,0
2. Пермская	9 283	—	—	129 938	24 778	19,0	590 876	73 469	12,4
3. Оренбургская	38 635	17 925	46,3	45 280	23 464	51,8	39 721	65 166	164,3
4. Уфимская	92 472	54 718	59,1	219 583	189 708	86,3	203 234	482 652	237,4
VI. Степной район									
1. Самарская	104 257	48 661	46,6	284 775	128 862	45,2	284 451	893 732	314,1
2. Астраханская	4 227	951	22,4	11 321	428	3,7	11 178	315	2,8
3. Ставропольская	—	—	—	17 131	4	0,02	17 845	3 854	21,5
VII. Северный район									
1. Олонская	374	374	100	15 961	19 934	124,8	10 054	32 255	320,8
2. Вологодская	26 661	1 270	4,7	288 871	7 828	2,7	407 213	3 398	0,8

* «Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г.». СПб. 1893. Приложение № 21—22 (О поступлениях выкупных платежей... стр. 2—3, 10—11, 14—15, 22—23, 26—27, 31—35, 46—47, 50—51, 58—59, 62—63, 70—71, 74—75, 82—83). Проценты вычислены автором статьи.

платежей начислялись с большими преувеличениями; запасный капитал, из которого правительство должно было черпать средства на погашение, создавался крайне небрежно, без строгих расчетов, и в 1880 г. министр финансов не мог точно определить его размеры. В течение 60—70-х годов вопреки опасениям авторов Положений и министра финансов Рейтерна правительство не только не имело убытков от выкупной операции, но получило от нее огромные доходы, присоединенные к общегосударственным средствам. Сравнительно с намеченным планом крестьяне переплатили казне больше полутора миллионов рублей. Выкупные платежи стали крупным денежным сбором, который непосильной тяжестью лег на крестьянский бюджет: по данным специальной Податной комиссии 60-х годов, в русских губерниях на каждую ревизскую душу падало от 6 до 7 руб. 20 коп. выкупных платежей, тогда как подушные и земские сборы составляли от 4 до 5 руб. 80 коп.²⁷ Иногда пропорция между отдельными сборами бывала еще разительнее. Например, по обследованию Казанского статистического комитета 60-х годов в Ядринском уезде, Казанской губернии, каждая ревизская душа платила подушной подати 1 руб. 78 коп., в зачет земских повинностей — 1 руб. 21,9 коп., мирских сборов — 46,3 коп. и выкупных платежей — 6 руб. 81,5 коп. Таким образом, из общей суммы 10 руб. 27,7 коп. выкупные платежи составляли наибольшую и особенно тяжелую долю (средний душевой оброк, уплачиваемый временнообязанными крестьянами в том же уезде, был равен 7 руб. 30,2 коп.)²⁸. Если мы вспомним низкую сельскохозяйственную технику и полную незащищенность крестьян против частых стихийных бедствий (неурожаев, эпизоотий, градобитий, пожаров и пр.), если учтем, что крестьяне получили урезанные наделы и на значительной территории государства с трудом добывали денежный доход, то будет ясно, почему уже в 60-е годы в кругах местной администрации стали раздаваться голоса о крестьянской бедности и неплательсеспособности. Вот почему крестьяне не хотели переходить на выкуп, хотя выкуп освобождал их от феодальных повинностей и от сохранявшихся по закону 1861 г. «вотчинной полиции и попечительства» помещиков. Вот почему выкупная операция была произведена преимущественно по одностороннему требованию землевладельцев даже в барщинных имениях, где крестьяне остро нуждались в деньгах и часто вопреки закону не могли считаться «состоятельными».

Результатом такой принудительной (хотя формально необязательной) выкупной операции было неисправное внесение выкупных платежей и хроническое накопление больших недоимок (см. табл. № 3). Перед нами три основных этапа в образовании недоимок по выкупным платежам: конец первого трехлетия, то есть начальный этап выкупной операции (1864 г.), конец четвертого трехлетия (1873 г.), составлявший средний момент в процессе необязательного выкупа, и конец седьмого трехлетия (1882 г.), то есть канун реализации закона 1881 г. об обязательном выкупе земли оставшихся временнообязанных крестьян. Всматриваясь в эту таблицу, составленную по проверенным и исправленным данным 1893 г., мы имеем основание сделать следующие выводы. Не-

²⁷ «Труды Комиссии, высоч. учрежденной для пересмотра системы податей и сборов». Т. III, ч. 2. Об изменении подушной системы сборов. СПб. 1869, стр. 35. Указанные здесь средние нормы выкупных платежей в основном подтверждаются обследованием Центрального статистического комитета по 39 губерниям («Статистический временник Российской империи», серия III, вып. II. Материалы Центрального статистического комитета министерства внутренних дел по специальному понижению выкупных платежей. СПб. 1886; «Статистический временник Российской империи», серия III, вып. 5. Понижение выкупного платежа по указу 28 декабря 1881 года. Статистические таблицы, составленные Г. Ершовым. СПб. 1885, стр. 82—112).

²⁸ «Труды Казанского губернского статистического комитета». Вып. 1, 2. Казань. 1870, стр. 2.

доимки стали накапливаться уже на ранней стадии выкупной операции; они наблюдались повсеместно (исключение составляла одна Пермская губерния, где в первое трехлетие было ничтожное количество сделок). Наибольший процент недоимок был в нечерноземных губерниях со скудной почвой, не обеспечивавшей дохода крестьянина (Новгородской, Смоленской). Высокий процент недоимок, достигавший почти половины всей суммы ежегодного взноса, был также в черноземных районах. Даже в Уфимской многоземельной губернии недоимка достигала 59%. В более выгодном положении были губернии с небольшим количеством крепостных и ничтожным количеством сделок; более высокая платежеспособность наблюдалась также в районах развитой торговли и промышленности (например, в Тверской губернии), хотя и здесь при чрезмерно повышенной оценке повинностей мы встречаем высокие цифры (Московская, Рязанская губернии).

Результаты этого первого трехлетия вызвали тревогу не только у местной администрации, но и в центральных органах, особенно в министерстве финансов. Однако огромное большинство царских администраторов по давней, укоренившейся привычке видели корень зла не в тяжелом положении крестьян, а в их «беззаботности» и «лености», так же как в небрежном взыскании повинностей со стороны местных учреждений. Губернаторы обвиняли в бездеятельности и равнодушии мировых посредников и требовали для себя широких полномочий; министр внутренних дел Валуев (и в этом его поддерживал Рейтерн) пошел навстречу этим требованиям и циркулярными распоряжениями предоставил губернаторам и подчиненным им органам полиции широкие права в обуздании «неисправности крестьян»²⁹. Положение о выкупе 1861 г. предусматривало возможность частичных недоборов и давало право сельским органам с помощью полиции принимать суровые меры, в том числе принудительно отдавать крестьян в заработки, продавать их недвижимое и движимое имущество и в крайних случаях на время отнимать у них наделы. Под давлением губернаторов началась вакханалия борьбы не только против неисправных плательщиков, но и против сельских обществ, к которым они принадлежали. Недоимщиков подвергали телесным наказаниям, заставляли их принудительно работать вне своего хозяйства, у подворных владельцев продавали принадлежавшие им наделы, широко применяли продажу движимого имущества — не только «предметов роскоши», вроде праздничных сарафанов или гитар и балалаек, но и самой необходимой одежды, хозяйственной утвари и (что было особенно тяжело для крестьянина) живого и мертвого инвентаря. Усердие полиции не знало пределов в этом выколачивании выкупных платежей и других сборов. Самим министром финансов было признано, «что в некоторых губерниях на пополнение недоимок продавалось последнее движимое имущество крестьян, как-то: коровы, лошади, куры; одежда, обувь и даже жилые дома... Продажа последнего движимого имущества крестьян на пополнение числившихся на них недоимок производилась и после разъяснения губернским начальством, сделанного министерством внутренних дел (циркуляр 10 декабря 1868 года за № 25) по сношению с министерством финансов, что крайняя мера взыскания недоимок продажей крестьянского имущества, при неосмотрительном применении оной не только не приносит пользы, а, напротив, разоряет крестьян»³⁰.

В течение 60-х и начала 70-х годов, как показывает таблица № 3, кривая недоимок в большинстве районов значительно спала, но

²⁹ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1865 г., д. 85; ф. 1284, Департамент общих дел министерства внутренних дел, оп. 241, д. 33, лл. 84—87; ф. 1291, оп. 1, 1865 г., лл. 26, 33, 35, 43.

³⁰ Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1871 г., д. 45, лл. 23 и сл.; 1869 г., д. 86; ф. 1291, оп. 66, 1871 г., д. 1.

в других она еще более выросла: на скудных почвах Северо-Западного района, в Новгородской и даже в столичной Петербургской губернии с ее неземледельческими промыслами она значительно превысила сумму ежегодного платежа, так же как в неплодородных Смоленской и Олонецкой губерниях. В известной степени снижению недоимок помогли хорошие урожаи 1871—1872 годов. Однако остановить закономерный процесс обеднения бывшей помещичьей деревни было невозможно. Меры, установленные Положениями 1861 г., оказались паллиативами, не дающими желаемого эффекта. Отдавать крестьян в заработки, следить за их заработной платой и взыскивать с них недоимки, как указывали сами губернаторы, было хлопотливым делом, которое отрывало крестьян от собственного хозяйства и наносило лишний удар по их платежеспособности. Еще губительнее для земледельческого хозяйства была продажа движимого имущества, особенно последнего скота, без которого было невозможно обрабатывать пашню; такие же последствия имела распродажа крестьянских сох, борон и других сельскохозяйственных орудий. Никакие порки не могли дать крестьянину денег на отбывание повинностей. На торги, объявленные для продажи подворных участков, никто не являлся, так как соседи не хотели окончательно разорять своих односельчан. Оставалась круговая порука, введенная Положениями 1861 г.: за неплательщиков должно было отвечать сельское общество, в первую очередь зажиточные хозяева; но, тяготясь круговой порукой, более состоятельные крестьяне старались избавиться от нее всеми возможными путями: выходили из общества, отказывались от земельного надела, переносили хозяйство на арендованные участки, а некоторые сами переставали платить недоимки и оказывались в рядах неплательщиков. На все эти темы велась непрерывная и тревожная переписка между местными и центральными органами. Особенно волнующим был вопрос о распродаже движимого имущества крестьян, которая для всякого непредубежденного наблюдателя была явной причиной крестьянского разорения. Министерство финансов настаивало на составлении местных списков движимого имущества, которое не должно подлежать продаже за недоимки; губернские присутствия изошрялись в составлении таких списков, министерство внутренних дел старалось удержать слишком зарвавшихся чинов полиции, а тем временем недоимки росли и к началу 80-х годов приняли катастрофические размеры.

Ответом крестьян на непосильные сборы и на их несоответствие урезанным и ухудшенным наделам были отказы от земли, массовые попытки самовольных переселений и публичные заявления о невозможности вносить выкупные платежи. В начале 1871 г. новый министр внутренних дел А. Е. Тимашев, сменивший на этом посту Валуева, не скрыл от императора этих фактов; в своем всеподданнейшем докладе он рисовал тревожную картину состояния деревни: «Всегдашнее стремление к переселению с 1867 г. и особенно с весны 1868 г. под влиянием, с одной стороны, увеличения сборов и местных неурожаев, с другой — широких льгот поселенцам Амурского края, Кубанской области и Черноморья значительно усилилось и начинало переходить в движение массы. Под видом временных отлучек, взяв годовые паспорта, распродав дома и все свое имущество, крестьянские семьи целыми партиями двигались искать новых мест. Вашему имп. величеству известны происходившие движения олонцев крестьян, разбредшихся по разным губерниям, псковских государственных крестьян, прибывших в Петербург для переселения в Сибирь, крестьян самых хлебобордных губерний, каковы Тульская, Рязанская, Орловская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, — на Амур и на Кавказ. В восточных и южных губерниях крестьяне, принявшие дар $\frac{1}{4}$ надела, жаловались на тесноту и просили казенных земель... Сверх движения к переселению проявлялись в разных местах и другие недоразумения, возникавшие из поземель-

ных отношений: по поводу разверстаний, перенесения усадеб, отказов от исполнения повинностей и т. под.»³¹. Хроника крестьянского движения показывает, что в течение 1863—1869 гг. в центральных органах было зарегистрировано 109 массовых отказов от внесения выкупных платежей; наряду с Украиной и Белоруссией в движении участвовали крестьяне Пензенской, Курской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Новгородской, Тверской и других губерний³². Такие же отказы от взноса выкупных платежей и накопившихся недоимок наряду с сопротивлениями продаже имущества имели место и в следующем десятилетии, в 1870-х годах³³.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. внесла еще большее расстройство в сельское хозяйство. Стихийные бедствия ударили по крестьянству даже в тех плодородных районах, которые были более платежеспособными. К 1882 г. увеличилось количество губерний, в которых недоимки превышали годовую сумму платежей в два и даже в три раза. В отдельных уездах и особенно в отдельных селениях недоимочность была еще больше: она превышала годовой оклад сборов в четыре, пять раз и более. Было ясно, что погасить эту задолженность крестьяне не в состоянии. В Главный комитет непрерывно поступали жалобы с мест. Сами губернаторы, бессильные справиться с создавшимся положением, ходатайствовали о сложении недоимок. Не только в передовой публицистике, но и в консервативных кругах раздавались голоса о необходимости полного сложения всех недоимок и уменьшения выкупных платежей. Самому правительству стало ясно, что взыскать накопившиеся долговые суммы невозможно, что нужны решительные и быстрые меры для устранения опасных последствий крестьянского разорения и усиливающегося брожения в деревне.

Сепаратные снижения недоимок начались еще в 1872 г. с нечерноземной Вологодской губернии; через четыре года они стали применяться уже в промышленной Владимирской губернии, а затем, непрерывно увеличиваясь, постепенно охватили больше половины внутренних русских районов. Под влиянием русско-турецкой войны ежегодная сумма снижений поднялась до 65—75 тыс. рублей. За 11 лет, с 1872 по 1882 г., правительство было вынуждено исключить из бюджета выкупной операции 873 652 рубля. Наибольшие суммы были сложены с крестьян Рязанской, Пензенской и Симбирской губерний³⁴. Начиная с 1879 г. поток ходатайств об отсрочках, рассрочках и уменьшении выкупных платежей еще более увеличился. На фоне революционной ситуации этих лет аграрный вопрос выдвинулся на первый план. М. Т. Лорис-Меликов, назначенный министром внутренних дел, понял, что пугательной почвой революционного народничества и либеральной оппозиции является тяжелое положение пореформенного крестьянства. С точки зрения правительства и более проникательных слоев правящего класса, нужно было предотвратить грозящую революцию, или, как говорил позднее председатель Саратовской земской управы Федоровский, «новую пугачевщину». В отчетах губернаторов, мнениях губернских присутствий, представлениях и проектах министра финансов зазвучали новые ноты. Разбираясь в причинах накопившихся недоимок, правительственные ведомства начали переносить центр тяжести с «нерадения» крестьян и нераспорядительности местных органов на тяжелые экономические условия, сложившиеся в деревне после реформы 1861 года. В отчете за 1879 г. костромской губернатор объяснял огромное накопление недоимок в Ветлужском и Варнавинском уездах недоброкачествен-

³¹ Там же, ф. 1291, оп. 53, 1870 г., д. 43, лл. 50—51.

³² «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.». М. 1964, стр. 711—797.

³³ «Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.». М. 1968.

³⁴ «Отчет ГВ», приложение № 24, стр. 8, 20, 32, 44, 56, 68, 80.

ностью земли, полученной в надел крестьянами, их бедностью в результате хлебных недородов, частых эпизоотий и других бедствий. «Хотя большая часть населения уездов,— прибавлял губернатор,— занимается выработкою и сплавом леса у лесопромышленников, но эти заработки недостаточны для улучшения крестьянского быта, тем более, что большую половину своих заработков рабочие проживают на месте работ, получая от хозяев в счет платы хлеб и другие продукты не только для себя, но и для своих семейств и даже корм для скота, что особенно тяжело стало отзываться на бедствующих крестьянах в последние годы по случаю небывалого повышения цен на предметы первой необходимости и сокращения лесных выработок, тогда как число рабочих постоянно возрастает»³⁵. Рязанский губернатор в отчете за 1879 г. утверждал, что недобор по Рязанскому уезду независимо от плохого урожая надо приписать «исключительному неблагоприятному экономическому положению бывших помещичьих крестьян зареченского края, поставленных в невозможность вносить исправно выкупные платежи». Недобор по Касимовскому уезду он объяснял тем, что из числа недоимок в 117 тысяч почти 70 тысяч приходится на семь волостей, «сельское хозяйство в коих находится в крайне грустном положении». «Скудная песчаная почва земли, требующая усиленного удобрения даже для посредственного и неудовлетворительного урожая, становится крестьянину в необходимость изыскивать особые средства не только для уплаты податей и повинностей, но и для прокормления себя с семьею (в течение 7—8 месяцев он кормит семью покупным хлебом); но эти средства, заключааясь в местных заработках, до того незначительны, что едва прокармливают семейство крестьянина. При таких условиях хозяйства крестьянин не в силах быть исправным плательщиком, какие бы ни принимались полицейские меры»³⁶. В том же духе был представлен отчет новгородским губернатором за 1880 г.: неуспешные поступления выкупных платежей были следствием не только неурожая и падежей скота, но также несоразмерности платежей со средствами крестьян. Исследование, предпринятое членом местного уездного присутствия, свидетельствовало, по словам губернатора, что было немало сельских обществ, которым требовалось уменьшение платежей ввиду недоброкачества отведенных наделов³⁷. Подобные же характеристики поступали из промысловых губерний. «При отливе от земли громадного количества рабочей силы,— сообщал тверской губернатор,— не находящих при наличных экономических условиях достаточно выгодным прилагать свой труд на месте, и притом к земле, обработка земли мало удовлетворительна, в результате чего является тот факт, что и остающееся население не добывает от земли средств, достаточных для своего существования». В отчете отмечалось, что положение крестьянских семей с малым числом рабочих «весьма тягостное», а чернорабочие зачастую не могут найти работу даже «из хлеба» и должны возвращаться домой с пустыми руками³⁸. В том же году владимирский губернатор доносил Александру II, что неудовлетворительное поступление выкупных платежей в Покровском, Судогодском и Ковровском уездах объясняется крайним обеднением крестьян, недостаточностью и недоброкачеством их земельных наделов, прогрессивным увеличением земского налога и трудностью подыскания выгодных заработков³⁹. Даже в Любимском уезде, Ярославской губернии, известной своими отхожими промыслами, крестьяне некоторых селений не могли исправно вносить выкупных плате-

³⁵ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1880 г., д. 29, лл. 47—48.

³⁶ Там же, лл. 50—54.

³⁷ Там же, 1881 г., д. 30, лл. 4—7.

³⁸ Там же, лл. 8—21.

³⁹ Там же, л. 71.

жей. Надельные земли, не получая удобрения, давали плохие урожаи, а доходов от промыслов не было. «Крестьяне — доносило в 1880 г. губернское присутствие, — кроме хлебопашества, занимаются также поденными работами у зажиточных домохозяев, затем большую часть нерабочего времени они собирают милостыню в пределах своих обществ, часть собранного хлеба продают и на эти средства, а также на вырученные деньги от сказанных поденных работ покупают немного удобрения и нанимают лошадь для обработки нескольких загонов, которые засевают потом хлебом, занятым из запасных магазинов или у зажиточных хозяев»⁴⁰.

Такую же безрадостную картину в менее плодородных уездах Тамбовской губернии отражали документы министра финансов. В ряде селений Шацкого уезда, имевших песчаную, иловатую почву, были настолько низкие урожаи, что душевой надел приносил в год около 8 рублей дохода. Некоторые крестьяне не имели домов, а у многих не было при домах никаких надворных построек. Скота было очень мало, так как большая часть его была распродана за неплатеж оброка до перехода на выкуп. Крестьяне не имели никаких устойчивых промыслов и только в течение месяца, свободного от полевых работ, занимались сдиранием лык, корья и бересты, получая 40 коп. в день на своем продовольствии. Средний годовой заработок вместе с доходом от надела составлял 20 руб. на человека, а разного рода годовых платежей причиталось до 11 руб. на душу. «Столь низкие заработки, — сообщало уездное присутствие, — заставляют прибегать к нищенству и даже к воровству»⁴¹. Мрачными красками была дана характеристика крестьянского быта в Темниковском уезде, той же губернии: по заключению специальной комиссии, образованной тамбовским губернатором, крестьянские угодья давали средние урожаи сам-один в яровом поле и сам-друг в озимом. «Крестьянские наделы, за немногими исключениями, вырезаны самые худшие из дурных помещичьих земельных участков, преимущественно вдали от крестьянского поселения, в разных местах, небольшими клочками, за чужими полями или за полями своих помещиков». Сельское население держит скот мелкой породы и в крайне малом количестве; приблизительно в половине селений в среднем не приходится и одной лошади на работника, а во многих обществах одна лошадь используется несколькими работниками. Общая причина накопления недоимок — неурожаи хлеба и неблагоприятные для крестьян условия поземельного их устройства, которые в некоторых случаях приводят население к крайней бедности и необеспеченности в будущем. Многие селения не имеют никаких заработков на стороне⁴². Аналогичные факты приводились в представлении управляющего министерством финансов о многих селениях Пензенской губернии: в некоторых из них, сообщает документ, надельная земля представляет почти один песок и камень, а в других глинистая и каменистая земля «большую часть в водопроеинах». Несмотря на отхожие промыслы и местные заработки, крестьяне «вследствие дурного качества земли пришли в совершенную бедность и с трудом прокармливают свои семейства. Поэтому производившаяся местами продажа их имущества, а также отдача недоимщиков на заработки и сдача внаем наделов оказались безуспешными, и вообще нет никакой надежды пополнить по этим селениям недоимки указанными в законе способами»⁴³.

В конце августа 1870 г. Лорис-Меликов организовал серию сенаторских ревизий, которые подтвердили и значительно дополнили разрознен-

⁴⁰ Там же, 1880 г., д. 25, л. 4.

⁴¹ Там же, 1879 г., д. 29, л. 7.

⁴² Там же, 1880 г., д. 32.

⁴³ Там же, д. 96, лл. 5—6.

ные материалы Главного комитета. Если отдельные ходатайства и губернаторские отчеты останавливались преимущественно на конкретных примерах крестьянской бедности и неплатежеспособности, то сенаторы, всесторонне ознакомившиеся с положением деревни, дали широкие, обобщенные выводы, построенные на совокупности всех наблюдений. Среди многих вопросов, затронутых ревизорами, центральное место занимали экономические условия, в которых живет крестьянство. Вот к какому заключению пришел сенатор С. А. Мордвинов, ревизовавший черноземные Воронежскую и Тамбовскую губернии: «Неудовлетворительным и даже печальным является положение крестьян в том отношении, что оно постоянно и неуклонно падает, совершенно независимо от неурожая, пожаров и других бедствий, поражающих ту или иную местность. Признаки уменьшения крестьянского благосостояния, к прискорбью, весьма явные: истощение плодородности их земли, вследствие беспорядочной и хищнической ее обработки, уменьшение количества рабочего скота и упадок большинства строений. Кажущееся противоречие между признаками благосостояния и признаками постепенного обеднения объясняется тем, в высшей степени заслуживающим внимания и безотрадным фактом, что бедность и затем совершенное обнищание поражают неуклонно известную часть населения, тогда как вместе с тем меньшинство зажиточных крестьян не беднеет, а даже в некоторых местах богатеет. Процент неимущих, живущих постоянно в долг и не имеющих при настоящем положении дела почти никакой надежды поправиться, возрастает в ужасающих размерах»⁴⁴. Сенатор специально остановился на положении крестьян в Темниковском уезде и дал еще более резкую характеристику аграрной политики местных помещиков и местных крестьянских органов. Такой же обобщающий характер носит заключение сенатора И. И. Шамшина, ревизовавшего плодородные губернии — Саратовскую и Самарскую. Остановившись на тяжелом положении деревни после двухлетних неурожая, сенатор оговорился, что хотя они «произошли от климатических условий, но сила их, как и слабость вообще урожая на крестьянских землях, зависит от небрежной обработки земли и уменьшения ее производительности вследствие неправильных посевов. Причины же такого отношения народа к хозяйству лежат не в свойствах народа. По справедливости объяснение беззаботности крестьян относительно будущего нужно искать в настоящем их положении, выход из которого возможен только при содействии правительства. Многие крестьянские общества из бывшего крепостного населения Саратовской и Самарской губерний под влиянием ошибочного понимания своих интересов и отчасти опасения состоятельных крестьян принять участие в круговой ответственности за выкупные платежи перешли на дарственные наделы. Это положение не ставит крестьян в бедственное состояние в тех местностях, где они могут нанимать необходимое для них количество земли на таких условиях, при которых они имеют возможность вести свое хозяйство. Но где наем земли затруднителен или обставлен слишком тяжелыми условиями, крестьяне едва могут существовать. Между тем съем земли, который был легко доступен, становится более и более затруднительным... Другие общества терпят от несообразного с их силами обложения различными платежами. И в этом случае зло лежит не столько в общей тяжести платежей, сколько в их распределении, совершенно не соответствующем доходности земель, отведенных в пользование крестьян»⁴⁵.

Аналогичные выводы были сделаны сенатором М. Е. Ковалевским на основании ревизии трех губерний: Казанской, Уфимской и Оренбургской. В своем всеподданнейшем отчете он говорил: «Число бывших

⁴⁴ ЦГИА. Научно-справочная библиотека. Печатные записки, № 148, стр. 9.

⁴⁵ Там же, № 147, стр. 5.

владельческих крестьян в обреченных губерниях сравнительно с прочим сельским населением невелико... Но экономическое положение этого населения весьма тяжелое. Из числа 93 809 душ Казанской губернии почти третья часть, а именно 29 700 душ, получила так называемый даровой надел, то есть по одной десятой на душу. При отсутствии местных промыслов и свободных земель, которые они могли бы арендовать на стороне, крестьяне вынуждены снимать земли у бывших своих помещиков, притом в большинстве случаев платят за эту землю не деньгами, а обработкою и уборкою известного количества земли в пользу помещиков. Вначале пропорция между крестьянским трудом и уступаемою им землею была равная, то есть за одну десятину снимаемой земли крестьянин обязывался обработать и убрать одну же десятину помещику, но впоследствии с увеличением населения пропорция эта изменилась весьма сильно не в пользу крестьян. Если положение это не изменится и упадок ценности крестьянского труда будет продолжаться, население это в скором времени очутится в безвыходном положении». В Уфимской и Оренбургской губерниях сенатор констатировал совершенно иное явление: в условиях многоземельной колонизирующейся окраины крестьяне, получившие даровой надел, «имеют пока возможность за сравнительно умеренную цену снимать в достаточном количестве соседние земли. Наоборот, крестьяне, получившие от бывших владельцев полные наделы, обременены выкупными платежами далеко превышающими стоимость и доходность отведенных им земель. Вследствие сего экономическое положение их несравненно хуже, и на многих сельских обществах накопились огромные недоимки, почти безнадежные ко взысканию». Такая несоразмерность, по мнению ревизора, особенно резко проявляется в Оренбургской губернии, где крестьяне часто отказываются от надела и от взноса выкупных платежей⁴⁶.

Такова была безрадостная картина, которую в течение 1879—1880 гг. непрерывно рисовали и местные органы и ревизоры, командированные из центра. На фоне усиливающегося революционного движения все эти сведения не могли не произвести сильного впечатления на Лорис-Меликова, на его ближайшего сторонника, нового министра финансов Абазу, на членов Главного комитета и на самого Александра II. Перед лицом неумолимых цифр и обоснованных наблюдений оба министерства — внутренних дел и финансов — пришли к выводу, что необходимо произвести массовое понижение выкупных платежей в нечерноземных местностях, окончательно ликвидировать в них временнообязанные отношения и снять с крестьян накопившиеся недоимки. Эти первоочередные меры, по проекту Лорис-Меликова, должны были найти себе дополнение в серии аграрно-финансовых реформ, в частности в преобразовании устаревшей податной системы, в учреждении для крестьян земельного кредита, в организации переселений, в отмене круговой поруки и т. д. Это была та необходимая отдушина, которой, по мнению либеральной прессы и самого правительства, требовали политические условия момента. Председатель Главного комитета великий князь Константин полностью разделял эту точку зрения. По свидетельству Абазы, во время его доклада императору Александр II выразил согласие с предложениями своих министров.

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. проведение задуманных мер было признано еще более неотложным. В отношении министра финансов Абазы 25 марта Лорис-Меликов настаивал, что «предложенные меры давно уже составляют насущную экономическую потребность этих [нечерноземных] местностей, для устранения все более усиливающегося хозяйственного расстройства крестьян... немедленное принятие и обнародование этих мер представляется особенно желательным

⁴⁶ Там же, № 150, стр. 2—3.

в настоящее время, после ужасного события 1 марта. От местных властей доходят сведения, что в народе появляются уже нелепые, может быть, злонамеренно распускаемые слухи, будто дарованные крестьянам в прежнее царствование права и милости будут от них отобраны. Необходимо успокоить умы и укрепить в народе уверенность в продолжении монаршего попечения о его нуждах». Под влиянием высказанных мотивов Лорис-Меликов приходил к выводу, что нельзя ограничиться нечерноземными губерниями, а необходимо распространить обязательный выкуп на всю территорию внутренних губерний, «для предотвращения уже тревожных толков и нелепых ожиданий»⁴⁷.

Обсуждение подготовленных проектов состоялось 6, 7 и 20 апреля 1881 г. на соединенных заседаниях Главного комитета и департамента законов и государственной экономии. Великий князь Константин начал обсуждение программной речью, в которой критически отозвался о недостатках Положения 19 февраля 1861 г., в частности о приемах установления оброков. «За сим,— продолжал председатель,— и исчисленные на основании оброков выкупные платежи оказались в нечерноземных местностях, где промысловый труд составляет совместное с земледелием, а нередко преобладающее занятие крестьян, несоразмерными с доходностью выкупленных крестьянами наделов. Несоразмерность сия, а вместе с тем и обременительность выкупных платежей для крестьян означенных местностей обнаружилась в истекшие после 19 февраля 1861 г. 20 лет с несомненною ясностью, произведя расстройство в быте крестьян и накопление на них более или менее значительных, а нередко и огромных недоимок, совершенно безнадежных ко взысканию». Исходя из этого положения, великий князь Константин мотивировал необходимость не только повсеместного понижения выкупных платежей, но также обязательного перевода оставшихся временнообязанных крестьян на выкуп и сложения со счетов 13 миллионов накопившихся недоимок. Соединенное присутствие, заранее подготовленное к принятию проектов, выразило им полное сочувствие, но оно не ограничилось признанием необходимости понижения выкупных платежей в нечерноземных местностях. Участники заседания высказали мнение, что подобное положение имеет место и в черноземных губерниях: «...вообще говоря, положение крестьян в некоторых черноземных губерниях если не от несоразмерности выкупных платежей с доходностью наделов, то вследствие других причин не лучше, чем в нечерноземной полосе... Крестьяне, несмотря ни на какие разъяснения, едва ли поймут основания, по которым делается столь существенная льгота для одних из них и ничего в этом отношении не делается для других, и затем могут роптать, что правительство не о всех их одинаково заботится». В конце концов было решено, что проектируемые меры следует распространить на все внутренние губернии и что понижение выкупных платежей должно быть не только общим, но и дополнительным для более нуждающихся местностей. Было подчеркнуто, что немедленный обязательный выкуп вызывается в настоящее время не только экономическими, но и политическими соображениями. Учитывая интересы помещиков, соединенное присутствие постановило начать реализацию обязательного выкупа с 1 января 1883 г., а понижение выкупных платежей начать уже в 1882 году⁴⁸.

Новый вершитель правительственной политики К. П. Победоносцев и его союзники не были склонны поддерживать либеральные проекты. Позднее Победоносцев называл понижение выкупных платежей «одним из звеньев той фальшивой цепи, которую заплела политика Л. Меликова и Абазы». «Это,— прибавлял он,— трата даром государственных де-

⁴⁷ Там же, ф. 1291, оп. 38, 1881 г., д. 62, лл. 1—4.

⁴⁸ Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1881 г., д. 28, ч. 1, лл. 191—208.

нег и внесение в народное сознание начал развращающих»⁴⁹. Еще резче высказывался недавний руководитель либерального течения Б. Н. Чернин. В личном письме к Победоносцеву он возражал и против общего понижения выкупных платежей и против обязательного выкупа, который «в настоящую смутную минуту» считал «просто безумием»⁵⁰. Однако массовое брожение в деревне, опасность революционного взрыва и необходимость восстановить платежеспособность податного населения оказались сильнее всяких колебаний. Общее собрание Государственного совета для обсуждения законопроектов было назначено на 27 апреля. Победоносцев не явился на заседание, к большому сокрушению Н. П. Игнатьева и министра государственных имуществ М. Н. Островского. Против проектов выступил крепостник А. Е. Тимашев, но его реакционная речь, выдержанная в сословно-дворянском духе, не встретила сочувствия и поддержки. Сами Игнатьев и Островский не решились возражать против предложенных мер, и Государственный совет единогласно высказался за ликвидацию временнообязанных отношений и понижение выкупных платежей.

Через два дня, 29 апреля 1881 г., был опубликован реакционный манифест Александра III о незыблемости самодержавия и укреплении основ существующего строя. Либеральные министры Лорис-Меликов, Абаза, а несколько позднее Д. А. Милютин подали в отставку, и вопрос о проведении обязательного выкупа и понижении выкупных платежей, казалась, повис в воздухе. Тем характернее, что, несмотря на позицию Победоносцева и нового министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, Александр III принципиально одобрил мнение Государственного совета, но предложил еще раз обсудить вопрос о понижении платежей по губерниям и уездам. Несмотря на отсрочку, подготовленные проекты с некоторыми поправками были вновь одобрены сначала в Главном комитете, а затем, в конце 1881 г., в Государственном совете. 28 декабря 1881 г. они были окончательно утверждены Александром III⁵¹. Обязательный выкуп распространился на 37 русских и украинских губерний и на те селения Белоруссии, которые перешли к выкупу до 1863 года. Остававшиеся временнообязанные крестьяне должны были быть переведены на выкуп начиная с 1 января 1883 г. (предполагалось, что перед лицом неизбежной развязки обязанных отношений помещики в течение ближайшего года поспешат сами вступить в сделки с крестьянами). Одновременно начиная с 1 июля 1882 г. должно было произойти общее и добавочное понижение выкупных платежей: во всех русских губерниях платежи уменьшались в размере одного рубля с каждого душевого надела; в районах особенно сильного хозяйственного расстройства деревни производилось дополнительное понижение на основании составленного расписания и предварительных заключений земских собраний (там, где не было земств, их заменяли губернские присутствия с участием постоянных членов уездных присутствий). Закон устанавливал общую сумму понижения в 12 млн. руб. в год, из которых 2 млн. покрывались средствами выкупной операции, 3 млн. — из доходов казны и 7 млн. — из остатков от ликвидации бывших государственных кредитных учреждений⁵².

Таким образом, была окончательно ликвидирована система феодальных отношений, которую сохраняли Положения 19 февраля 1861 г.: бывшие помещичьи крепостные были объявлены крестьянами-собствен-

⁴⁹ «Письма К. П. Победоносцева к гр. Н. П. Игнатьеву» («Былое», 1924, № 27—28, письмо № 46, стр. 71).

⁵⁰ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Т. 1, полутом 1. М.-Пггр. 1923, стр. 121—122.

⁵¹ Ср. П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, стр. 344—350, 419—423.

⁵² «Третье полное собрание законов». Т. 1. 1881. №№ 575, 576, 577.

никами, свободными от несения барщины и оброка. Отработочная и денежная рента феодальной эпохи были юридически отменены, так же как отпали последние крепостнические права помещиков в отношении личности крестьян. Понижение выкупных платежей несколько облегчило хозяйственное положение деревни, но оно не устранило пережиточных форм феодального строя: поземельной общины с отяготительной круговой порукой, отработок и исполщины в отсталых экономических районах, сословного неравноправия крестьян и давления самодержавной власти с ее разветвленными иерархическими органами. Над свободными крестьянами-собственниками по-прежнему тяготела большая задолженность, которая особенно остро чувствовалась в менее развитых губерниях и уездах. Тем не менее выкупная операция открыла больший простор утверждению и развитию новой, буржуазной собственности на землю. Если в эпоху крепостного права купчие земли крестьян, приобретенные с согласия помещиков, были только зачатками зарождающейся буржуазной собственности, а в период 1861—1882 гг. бывший крепостной мог свободно приобретать дополнительные участки к своему наделу, то с завершением выкупа самый надел становился собственностью сельского общества, а при подворном землевладении — отдельного домохозяина. Отмена феодальных барщины и оброка уступила место господству капиталистической земельной ренты.

Сначала необязательный, а затем предписанный законом выкуп земли дал еще больший толчок процессу классового разложения крестьянства. С другой стороны, выкупная операция сосредоточила многомиллионные суммы в руках крупных земельных собственников и казны. Условия, на которых проводился выкуп, крайне тяжелые для крестьян, выдвинули на сцену торговых посредников и кулаков, которые пользовались нуждой крестьян, скупали их наделы или эксплуатировали их самих на основе кабального найма. Процентные бумаги, полученные помещиками, в значительной части перешли в руки пореформенной буржуазии и способствовали накоплению денежных капиталов. В свою очередь, крупные земельные собственники, получившие большие выкупные суммы, частично вложили их в акционерные компании и другие предприятия. Если чудовищные отрезки от земельных наделов, так же как произвольное и несправедливое для крестьян разверстание угодий, были «чистой землей для капитализма», то другой стороной этого процесса явилось создание миллиардных сумм, оплодотворивших развивающуюся промышленность и торговлю. Необеспеченные землей и задавленные платежами владельцы парцеллярной собственности — этой переходной формы к сельскохозяйственному капитализму — неизбежно должны были выделять из своей среды пролетариев и полупролетариев. Свободные «рабочие с наделом» составили основные резервы промышленной армии, в которой нуждалась развивающаяся капиталистическая промышленность. Таким образом, выкупная операция наряду с массовыми отрезками и ухудшением качества крестьянских наделов стала одним из важнейших элементов первоначального накопления капитала.
